



# СЮЖЕТЫ ЖИЗНИ

## ГЛАВА III

*«Смушкинизмы»-Сюжеты Жизни - это короткие житейские истории, факты моей биографии, опыт «выживания» на родине и здесь, в иммиграции.*

*Значительная их часть посвящена моей Музе, Светлане, которая вдохновила меня на их создание и подарила мне вторую молодость.*

*Только в солидном возрасте я понял, что мужчине нужна не современная, а **настоящая женщина**, а это далеко не всегда одно и то же.*

*Я.А.Смушкин*



**СЮЖЕТЫ ЖИЗНИ**

1. **В** моей Светлане всё прекрасно.  
Мне с нею всё предельно ясно.  
Чем больше с нею я живу,  
Тем больше я её люблю,  
О ней мечтаю  
И её хочу.
  
2. **В** одиннадцать я повзрослел,  
Война пришла в Москву.  
Отец на фронт ушёл,  
А мать, заботами себя обременя,  
Уже не находила время для меня.  
И улица - безжалостный учитель,  
Мне заменила и отца, и мать.  
Она учила жить и выживать,  
Всё новые и новые уроки задавая.  
Я научился подаяние просить,  
И воровать, и драться, и не плакать.  
И вместо детских игр играл в одну игру.  
С Судьбой. На выживанье... Каждый день...  
Четыре года маленьких побед...  
Четыре года голода и страха...  
Но я не умер, не пропал и не сломался,  
И взрослым стал в свои пятнадцать лет.
  
3. **Я** в спорт пришел совсем не ради спорта.  
Здесь парадокса нет. Все более чем просто -  
Военный сорок первый год, холодная Москва,  
И я - худой пацан с голодными глазами.  
А в секции гимнастики тогда  
Бесплатную похлебку раздавали...  
Таким был повод. А потом увлекся.



Тренировался до седьмого пота,  
И через пару лет упорного труда  
Я победил на первенстве столицы.  
А вот в фигурное катанье перешел  
Уже чуть позже, встретив в парке фею,  
Которая своими пируэтами на льду  
Мне голову вскружить легко сумела.  
О чем, я, впрочем, и поныне не жалею.

4. **Мне** с женщиной любимой повезло.  
Друзья не раз расспрашивать пытались,  
Мол, объясни нам, Яша, как найти  
Пусть не такую, но похожую хотя бы.  
Секрета нет. Ищите женщину, чтоб в ней  
Горел святой огонь души и тела,  
Чтоб прикоснувшись к ней, как к золотой струне  
Почувствовали б вы, как все внутри запело.  
По «вертикали» чтоб была для всех усладой глаз,  
Чтоб нравилась, чтоб зависть вызывала,  
Храня «горизонталь» при этом  
только лишь для вас.  
Да, нелегко найти... Но разве вы искали?
5. **Я**, в отличие от многих,  
Время личное ценю.  
Очень жаль его мне тратить  
На пустую суетню.  
И творить, не уставая,  
Мог бы сутки напролет.  
В этом дивном состоянии  
Мыслей рой, души полет.  
Дома даже туалет  
Превратил я в кабинет.



6. Лежу в постели, в потолок смотрю,  
Бессонница гоняет вихри мыслей.  
Заснуть хочу, но не могу..  
Я взгляд перевожу на белоснежную луну  
И вытканый, как будто лунным светом,  
Прозрачный шелковый наряд  
Моей желанной музы-леди.
7. Мой самый близкий друг Карен -  
Интеллигент и джентльмен,  
И эрудит, и человек  
С огромной чистой душою.  
Он - сын армянских гор,  
Я - сын далекого Сиона,  
Но нас Господь соединил  
Навеки дружбою мужскою.  
От испытаний многолетних,  
Которых и числом не счесть,  
Не развалился наш союз,  
А стал во много раз прочней.  
Я благодарен Богу и судьбе,  
Что настоящий друг был послан мне.
8. Я начал сочинять еще в далеком детстве.  
В простой избе, на деревенской печке  
Рассказывал истории друзьям.  
И наслаждался их восторженным вниманьем.  
Потом в ночном лесу, у пионерского костра  
Рассказчиком прослыл незаменимым.  
И все, что жизнь мою в то время окружало,  
Меня на новые рассказы вдохновляло.  
И здесь, в Канаде, темпа не теряю,  
Я чувствую себя, как в небе птица.  
На творчество меня Светлана вдохновляет,  
Она - моей далёкой Родины частица.



9. Этим летом мне успешно  
Поработалось на льду.  
С полным правом, с чистым сердцем  
Нынче в отпуск я иду.  
Пришла пора для отдыха и путешествий,  
На этот раз не одному, а со Светланой вместе.
10. У меня спина болит хронически,  
Что я ни делал, у кого я не лечился...  
Я научился боль преодолевать стойко,  
И с хромотой своей, в конце концов, смирился.  
И вдруг однажды свыше получил совет,  
Что нужно делать, чтобы не хромать.  
Какой совет? А это мой секрет!  
Его я не намерен открывать.
11. Моя фантазия неожиданно  
Мне подсказала диалог,  
Что у меня бы со Светланой  
Однажды состояться мог.  
Спросил я у Светланы:  
- Скажи, родная, мне,  
Но честно, без обмана -  
Талантлив я или нет?  
И если нет таланта  
Ни капли за душой,  
Ответь - тогда б смогла ты  
Жить, как сейчас, со мной?  
- Наверно, нет, - Светлана  
Качнула головой.  
- А почему? Мне странно  
Отказ услышать твой.  
- Нашла б себе другого,  
Моложе, поумней,  
Не старого, седого,  
Красивше, не хромого,  
Ты понял, дуралей?



- Я понял все. Спасибо, Света.  
Приггла неслабо ты мой длинный язычок,  
Чтоб на дальнейшее запомнил крепко это,  
Вопросов глупых задавать не смог.

12. **Мы** со Светланой доказали,  
Что даже разница в годах  
Для счастья вовсе не помеха,  
Что возраст - это чепуха.  
Ведь сетовать на долю злую  
Лишь неудачников удел,  
А мы гармонии достигли  
В слияньи наших душ и тел.  
Ты на прогулку? Я с тобою.  
На танцы? Никаких проблем!  
Так и живу, дыша любовью  
На сорок лет помолодев.  
А если вдруг я заболею  
И возраст мой свое возьмет,  
Моя Светлана, бывший медик,  
Меня от возраста спасет.
13. **Спасибо** ручке и бумаге,  
Что можно мысли записать,  
И для гимнастики ума  
Советы людям раздавать.
14. **Я** благодарен творчеству,  
Светлане и зарядке  
За то, что на восьмом десятке  
Со мною, слава Богу, все в порядке.
15. **В** спорте я себя нашел,  
Дух спортивный мне по сердцу.  
К миру музыки я тоже  
Приобщился в раннем детстве.  
А еще стихи пишу,



Сочиняю афоризмы,  
Не приходится скучать  
Мне, как будто, в этой жизни.  
И когда свои таланты  
Воедино собираю,  
То с успехом неизменным  
Я прекрасный пол пленяю.

16. Скажи, Светлана, дочке Оле,  
Что есть божественность в природе,  
В ней красоты и неги столько,  
Что хватит и самой понять,  
Почувствовать, душой принять,  
И даже детям, внукам передать  
На много лет вперед, на долгие их годы.
17. Лишь на восьмом десятке  
Возрастного марафона  
Открылось мне, что ту, одну -  
Свою, бесценную, родную,  
По сердцу, телу и уму  
Не ищут, а с надеждой ждут.  
Она дается Богом, как подарок,  
Как высшая награда,  
Главный приз - за труд  
И за прожитую достойно  
Пусть не безгрешную,  
Но праведную жизнь.  
А тот, кто не дождался, что ж, увы...  
И так случается нередко.  
Не злитесь, не ропщите на Судьбу,  
Не Бога, а себя вините в этом.
18. **Я** по своей природе полигамен.  
И этот факт меня всегда в тоску вводил.  
Извечный внутренний конфликт: «хочу» и «надо».  
Я середины золотой не находил.



Тогда Господь мне дал совет -  
Любить одну и не смотреть «налево»,  
Но обновлять ее раз в десять лет,  
Мол, так и волки сыты, да и овцы целы.  
Сейчас, на склоне дней моих,  
Всевышний мне послал Светлану,  
И наказал любить ее  
Всем сердцем, то есть без обмана.  
Пойду по жизни с нею до конца.  
Не вправе я послушаться Творца.

19. **Я** собственных детей на свет не произвел,  
Их матерей не встретил, не нашел  
Средь многих женщин. Те, кого я знал  
Для этой роли, видно, не годились.  
И я на лед ушел - чужих детей растить,  
Воспитывать, учить премудростям житейским.  
...Шестой десяток лет со льда я не схожу,  
Своим питомцам отдавая знания и душу.  
И я горжусь, что тренерской работой  
«Отцом» для множества спортсменов стал.  
Когда их награждают за победы,  
Я вместе с ними восхожу на пьедестал.
20. **На** льду - мой храм, моя обитель,  
Мой монастырь и мой дворец.  
Я здесь, пожалуй, не учитель,  
А просветитель и мудрец.  
И в монастырь мой со своим уставом  
Заказан вход. Здесь я Творец.  
Здесь я законы утверждаю,  
Здесь я один - Верховный Жрец.  
Мои законы и уставы  
Весьма суровы и просты -  
Трудись упорно до седьмого пота,  
И чемпионом станешь ты.



21. Колумб Америку открыл,  
Мне тоже повезло,  
Хоть я не плавал - на коньках скользил.  
Друзьям на радость, а врагам назло  
Свою ледовую страну открыл.  
Я на земле нашел ее. Я был неистов,  
Бог знает, сколько сил вложил,  
И скольких фигуристов, хоккеистов  
На льду во многих странах породил.  
Ну, чем, скажите, я им не отец,  
Спортивных достижений их творец?
22. Я был женат всего четыре раза  
И кольца разные носил.  
Я женам изменял, причем немало,  
Чужих хотел, своих я не ценил.  
Сейчас, свободный от колец, не изменяю.  
И тем, что есть, я больше жизни дорожу.  
Любви своей теперь я доверяю,  
Любви другой теперь я не хочу.
23. Я эмигрировал из бывшего Союза,  
Россию новую не знаю, не бывал.  
Но связывают нас невидимые узы,  
Не ностальгия, а таинственный астрал.  
Я обожаю русскую культуру  
И душу русскую люблю,  
И русским языком я изъясняюсь,  
На нем свои произведения творю.  
Я уезжал совсем не от хорошей жизни,  
Меня система вытолкнула вон.  
Был «пятый пункт» системе ненавистен,  
Я оказался просто за бортом.  
Оставив все - жену, друзей, работу,  
В Америку приехал налегке.  
Добился многого, но, несмотря на годы,  
Мне снятся сны на русском языке.



24. **Я** в сентябре обычно отдыхаю,  
Я путешествую и предаюсь мечтам.  
А с октября работать начинаю.  
На лед вернувшись, к тренерским делам.  
Тружусь, не покладая рук, я круглый год,  
Но очень жду, как ждут небесной манны  
Начала осени... И отключившись от забот,  
Я еду в отпуск вместе со Светланой
25. **Ты**, Светлана, воздух моих лёгких,  
Найти тебя была задача не из лёгких.  
От суеты дневной я устаю,  
А в тишине ночей, вдвоем с тобою,  
На сорок лет моложе становлюсь  
И надышаться не могу твоей любовью.
26. **Все** в этой жизни у меня закономерно.  
Путей я легких не искал,  
Я любопытным был, поэтому, наверно,  
Успеха неизменно достигал.  
Я просто жил. Дерзал с энтузиазмом,  
Бесстрашно шел намеченной стезей.  
Не поддавался искушеньям и соблазнам,  
И не грешил словесной трескотней.  
Не суетился, время зря не тратил,  
Работал и учился от души,  
И в результате, я без лишней суматохи  
Достиг всего на склоне дней моих.
27. **Частенько** я вопросом задаюсь,  
Ну, почему Светлана  
Решила жизнь связать свою со мной,  
Она ведь молода, не бесталанна,  
А я, увы, уж ей в отцы гожусь.  
Так почему же я, а не другой,  
Красивый, стройный, молодой?



Да потому, что я тайфун, стихия и огонь,  
Очаг энергии, источник правды, истины охотник,  
Мужчина-джентльмен, друг и ее духовник,  
Ее поклонник я, защитник и любовник.

28. **Я** тридцать лет назад в Америке, Канаде  
Придумал школу для игры в хоккей.  
Трудился я не зря. И стало мне наградой,  
Что школы частные сейчас на всем материке.  
В индустрию те школы превратились,  
Там учат тактике, стратегии игры,  
Там тонкостям хоккея обучились,  
Блестящей техникой вооружились  
С десяток поколений детворы.  
Оригинал я, а не копия чего-то.  
А подлинный, большой оригинал -  
Лишь тот, в ком мысль кипит, кипит работа,  
Кто по тарифу жизни стоит что-то,  
И тот, в ком есть реальный капитал.  
Без стоимости крупной, капитала,  
Нет, и не может быть оригинала.  
Он возвышается скалой, он, как гора,  
Тропа непроходимая, рекорд недостижимый,  
Его нельзя достать, потрогать иль украсть,  
Доступен он лишь только одержимым.  
Скопировать его, с восторгом поглазеть,  
Подделку сделать из него, иль маску  
Желающих полно. Оригинал - музей,  
Где в жизнь, в реальность превратилась сказка.  
Им восхищаются, с него снимают слепки,  
Ему завидуют, - он удивляет всех,  
Ведь он - в единственном числе, и сбит так крепко,  
Что нет подобия ему в его красе.  
К тому же, в копиях ведь нет большого толку,  
Их сотворить не так уж тяжело.  
И расплодилось их на свете столько,  
Что не назвать их точное число.



Оригинал с большой дороги я. По праву  
Могу теперь на мир весь прокричать:  
- Я стал им! И богатств достиг, и славы,  
Теперь пришла пора другим дерзать.

29. Для тренировки тела мест немало -  
Спортзалы, школы, стадионы,  
А вот к гимнастике ума  
Гораздо меньше люди склонны.  
Я тренажерный зал для мыслей и идей  
В своем мозгу воздвиг, и в нем покой обрел.  
Теперь я не завишу от людей,  
Я сам в себе занятия нашел.

30. Мария, Марсия, Елена...  
Бывшие жены мои!  
С вами прожил я, не зная  
Той настоящей любви,  
Что выражается в песнях,  
В музыке, в танцах, в стихах  
И в откровеньях небесных...  
...Словом, я Музу искал.  
Ищущий, да обрящет,  
И на закате дней  
Смог отыскать я, к счастью,  
Музу души моей.  
Светочка, Света, Светлана -  
Светоч небесный мой!  
Ты мне дана, как награда,  
Я вдохновлен тобой.

31. Не важно, чем я увлечен,  
Не важно как, не важно почему,  
Но я от этой жизни без ума,  
Пока дышу, пока хочу.  
Пока мечтаю и могу,  
Не забывая никогда,



Что увлечениям моим  
Придет конец,  
Когда умру.

32. Среди людей и дел однообразных,  
В круговороте ежедневной суеты  
В волшебный мир я тут же погружаюсь,  
А в мире этом - мысли и мечты.
33. **В** саду цветов Виктории, в Канаде,  
Провел я со Светланой целый день.  
В мир запахов и красок окунувшись с головою,  
Мы словно прогулялись с ней по раю.  
И я подумал - в чем-то мы похожи,  
Ведь люди, как цветы - живут и увядают...  
Но почему, в отличие от цветов,  
Мы так скупы на нежность и на краски?  
И почему мы наши души,  
Похожие на лепестки цветов,  
С таким трудом  
Друг другу открываем?
34. **Не** удалось мне чемпионом стать  
В своей родной стране Советов.  
В ней для меня, для беспартийного еврея  
Всегда хватало всяческих запретов.  
Мне ничего, увы, не оставалось,  
Как навсегда покинуть мачеху-страну,  
И я в Америку скорее перебрался,  
Чтоб в ней построить жизнь свою.  
Я стал первопроходцем-иммигрантом,  
Другим спортсменам проложив тропу.  
Я чемпионом стал, и в качестве награды  
Не кубок получил я, а Судьбу.



35. **В** советской Федерации фигурного катанья  
Партийцы поделили меж собою власть.  
И беспартийному, еврею по рождению,  
За стол один мне было с ними не попасть.  
«Фигурными гвардейцами» назвал я их когда-то.  
Ах, сколько радости светилось в их глазах,  
Когда еврей служил лакеем на застольях,  
Когда с поклоном в гардеробе им одежду подавал.  
Когда швейцаром открывал пред ними двери,  
Когда тапером он на танцах развлекал своей игрой.  
Но за советом многие «гвардейцы» шли к еврею,  
И не гнушались, как ни странно, «пятою графой».  
И как-то раз еврея осенило -  
У Бога нужно помощи просить!  
Ведь Бог - он тоже беспартийный,  
А значит, с ним возможно говорить.  
И Бог помог. И делом, и советом.  
Он подсказал, что уезжать пора,  
Что там, за океаном, то есть в Штатах,  
Мне будет хорошо. И оказался прав.  
И здесь, вдохнув свободу полной грудью,  
Я понял, что могу счастливым быть,  
Забыть «гвардейцев», словно сон кошмарный,  
Свой член обрезанный на них на всех забить.
36. **Будь** сексуальным, молодым душою,  
Не бедным, не конфликтным, интересным,  
Самодостаточным, в ладах с самим собою,  
И, по возможности, достаточно известным.  
Короче, стань мужчиной без изъяна,  
И Бог пошлет тебе такую, как Светлана.
37. **В** Советской Армии служил я сигнальником  
И барабанщиком в оркестре нашем был.  
Я по утрам будил солдат своей трубою,  
Но тягот службы, как другие, не сносил.



В шинели, при погонах и в «кирзе»,  
Я, большей частью, дурака валял в Москве.  
Возил цветы любовницам начальства,  
Иль со своей любовницей встречался.  
Вот это было время золотое!  
Служить мне было просто и легко.  
Я часто не в казарме ночевал, а дома,  
Поскольку жил совсем недалеко.  
За время службы техникум закончил я заочно,  
Потом заочно в институт я поступил, -  
Мне было жалко время упускать, и я старался,  
Тем более, всегда учиться я любил.  
Яшку-еврейца, таманского гвардейца  
В полку все знали - и солдат, и генерал.  
Я даже как-то раз, шагая с барабаном,  
В Москве парад военный открывал.

38. За хулиганство раз в Москве  
В тюрьму попал я в декабре.  
Я заступился за жену, Марину -  
Безропотную балерину.  
А дело было в коммуналке...  
Кто помнит коммуналки, тот поймет.  
Соседку нецензурно обругал я -  
И вот наряд меня уже в тюрьму ведет.  
В тюрьме, конечно, жизнь - не сахар,  
Но я без паники и страха  
Воспринял этот поворот судьбы, -  
Скажу без лишней похвальбы.  
И каждый день моя Марина  
Своей походкой лебединой  
В тюрьму спешила утром ранним.  
Под юбкой - водка для охраны...  
Короче, ей благодаря,  
Частенько был на воле я.  
Охранники подарки принимали,  
Меня до вечера с Мариной отпускали.



Но вот ведь парадокс и вот загадка!  
Хотя на нарах и не сладко,  
Но дома, на свободе, при жене  
Еще тоскливей было мне.

39. Атлетом-бегуном я стал в войну, в бомбежку.  
Заслышав вой сирены, я бежал  
Напуганный, как загнанный звереныш -  
Скорей в бомбоубежище, в подвал.  
А через пару месяцев подобной тренировки  
Я вдруг заметил, что не страх, пожалуй, а азарт  
Во мне вдруг просыпается внезапно,  
Когда пронзительный гудок командует: «На старт!»  
Я ощущал себя спортсменом-чемпионом,  
Когда мне первым удавалось донестись  
По беговым дорожкам гулких коридоров  
До той спасительной убежища двери.

40. Пожалуй, не у одного меня  
Война все детство отняла...  
Я видел таких, кто сдавался,  
Таких, кто духовно ломался,  
Но также других, - кто цеплялся  
За жизнь из последних сил.  
Война - непростой экзамен,  
Он всех по местам расставил,  
Он мужества многим прибавил,  
Невзгодами их закалил.  
Кого война объединила,  
На много лет вперед сдружила,  
Кого рассорила на долгие года,  
Кого разъединила навсегда.  
Я понимаю лишь сейчас,  
Что тех военных испытаний час  
Нас научил работать и дружить,  
Любить, сочувствовать, не ныть.  
Усилил нашей прочности запас,  
Война все лучшее открыла в нас.



41. Телогрейка - тела батарейка,  
Одеждой самой модною была.  
Без заграничной фирменной наклейки,  
Российской, нашенской - тогда война ведь шла.  
Она от лютых холодов спасала,  
Кому-то жизнь, быть может, сохранив,  
Эмблемою войны жестокой стала,  
И шубою была, и одеялом  
В те страшные поры военной дни.  
Я также гимн спою буржуйке-печке,  
Ее в те годы не было ценней,  
Она тепло хранила человечье,  
Погибнуть не дала, окоченеть.  
А карточки, что хлеб по ним давали...  
Их, как зеницу ока берегли,  
А чай, что мы вприглядку дома пили,  
На сахар жадно лишь смотреть могли.  
В рот иль стакан крупиночки не клали,  
Что сладок чай, мы все себе внушали.  
Очистки от картошки, помню, ели,  
Поджарив на огне или сварив,  
Но странно - мы почти и не болели,  
И временно хороший вкус к еде убив,  
Желудки этой пищей закалив.  
Вот так в ту пору грозную мы жили,  
После войны рожденным не понять,  
Как мы мечтали, как любили, как дружили,  
И много времени уйдет у них,  
Чтоб взрослыми им стать.  
Мы помним ту войну, она в крови у нас,  
И тех, кто жизнь отдал врагу в сраженьи,  
Тогда выросли и умнели враз,  
И нет тем временам у нас забвенья.



42. Аптечным витаминам я не доверяю,  
Я витамины «Света» потребляю.  
В них все, что надобно для жизни, есть,  
Полезных компонентов и не счесть.  
Я пью их каждый Божий день -  
И в снег, и в бурю, и в метель...  
Они мне силу прибавляют,  
Они на бой меня зовут,  
Они на подвиг вдохновляют,  
Они мне молодость дают.
43. В степях Казахстана родилась Светлана.  
Росла, училась там, работала, жила,  
Обычаи и нравы Казахстана  
В себя впитала, в них себя блюла.  
Я Казахстану за Светлану благодарен,  
И Темиртау, где Светлана родилась,  
Ни разу не был там, но шлю поклон тем далям,  
Моя стезя оттуда к счастью началась.  
Я долго по земле искал свою Светлану,  
Но не устал, мечту в душе держал,  
И как-то в пражском русском ресторане  
Царицу, диво, чудо повстречал.  
Увидев, обомлел, ошеломленный,  
Глаза раскрыл и на колено встал,  
В любви признался ей, обнял, поцеловал,  
Так до сих пор стою пред ней коленопреклоненный,  
Ведь рыцарскую клятву ей на верность дал.  
Я юношам хочу совет свой дать, мужчинам -  
Кольцо не торопитесь одевать,  
Игре в любовь у девушек учитесь,  
Пройдете курс - тогда уже женитесь,  
Но перед этим не мешало б знать:  
Одной ли масти вы с избранницей своей,  
Одной ли вы породы?  
Проверьте тщательно - ваш выбор не на пару дней,  
А на счастливые, пожизненные годы.



44. **В** далекой Турции, на многолюдном пляже  
Не счесть красавиц молодых,  
Там в воздухе витает дух соблазна,  
От искушения попробуй, удержишь!  
Но я спокоен, зная, что в Канаде  
Меня ждет та, что всех других милей,  
Та, что меня одна на свете возбуждает,  
И неизменно удовлетворяет,  
И, словно муза, вдохновляет,  
И никогда мне не надоедает, -  
Я всей душой стремлюсь вернуться к ней.
45. **У**спех в делах, в душе любовь,  
В доме покой, на сердце отрада.  
Что еще нужно при жизни такой?  
Мне большего, право, не надо.
46. **К**расивых женщин я встречал немало,  
Я их всегда глазами раздевал,  
Воображение мне сцены рисовало,  
Где я красавицами теми обладал.  
Сейчас, когда Светлана появилась,  
Я на красивых женщин не смотрю,  
Их игнорирую. В Светлане воплотилась  
Моя мечта о женском идеале. Я парю  
Над грешною землею. Рядом звезды,  
И сам, как звезда, над бездной высоты.  
Мы плоть одна. Единство красоты  
Мне суждено познать. Еще не поздно.  
Тела и души наши так соединились,  
Что мы в одну звезду-планету превратились.
47. **П**риехал из Союза я в Канаду  
И тут решил привычки изменить,  
А именно: сказал себе, что надо  
Незамедлительно бросать курить.



Браян, помощник мой, намерился жениться,  
Он, как и я, курильщиком заядлым был,  
Как я, хотел бросать, никак не мог решиться,  
И целый день, как паровоз дымил.  
Его невеста дыма не терпела,  
От дыма - аллергия у нее,  
Ну, а Браян, тот и душой, и телом  
Тянулся к куреву, считал, что он без курева умрет.  
Скажу вам честно - было жаль мне Браяна,  
Но как помочь ему? - я голову ломал,  
Чтобы без сигаретного дурмана  
Он свадьбу этим летом отыграл.  
И я придумал, говорю Браяну:  
- Друг, в понедельник брошу я курить,  
И ты бросай, мы оба перестанем  
Себя и окружающих травить.  
И если я свое нарушу слово,  
Хотя бы затянусь хоть раз чуть-чуть,  
Перед тобой ответ держать готов я -  
Тысчонку долларов зелеными плачу!  
Но если только станет мне известно,  
Что ты не выдержал, решился закурить,  
Я из-под носа уведу твою невесту.  
Ну, как? Готов ты заключить пари?  
На свадьбе друга весело нам было,  
Пари сдержали мы: и он, и я.  
С тех пор и не курю. Вкус сигарет забыл я,  
А у Браяна крепкая семья.

48. Мой лейтенант лишился сна, покоя,  
Из-за меня ходил совсем больной,  
Его бесило, что начальство полковое  
Давало мне возможность уходить домой  
Гораздо чаще, чем другим. Однажды  
Денек дождливый был и пасмурный, как гроб,  
Он вывел роту в лес, и там возжаждал,  
Чтоб каждый рекрут выкопал окоп.



Отдал приказ, а сам из лесу смылся  
Перекурить, а может быть и водку пить.  
Копать тупой лопатой в дождь, без видимого смысла,  
Мне не хотелось. И возникла тут «мысля»,  
Чтобы солдатам не было так кисло,  
Им на аккордеоне поиграю я.  
Но я условие поставил им такое -  
Пока я слух им ублажаю, душу, нервы,  
Они окоп мой за меня отроют первым.  
Все согласились, взяли за лопаты,  
Я - за аккордеон, и понеслось...  
Я настроенье поднимал солдатам,  
Чтоб веселее им копалось и жилось.  
Услышав музыку, мой лейтенант вернулся.  
Был злой, видать, как тысяча чертей.  
Меня на пне увидев, встрепенулся.  
Взвыл: «Смушкин, встать! Окоп твой где?  
Я накажу тебя, увидишь, очень строго.  
Нарушил ты военный мой приказ,  
Теперь тебе в штрафбат одна дорога.  
Какая музыка в рабочий этот час»?!  
«Товарищ лейтенант», - ответил я серьезно, -  
«Никак я ваш приказ не нарушал.  
Окоп готов мой - вон у той березы».  
Он зубы сжал, аж выступили слезы,  
Но промолчал. Он понял - оплошал.

49. Хотя родни далекой, близкой - всякой,  
Довольно много было у меня,  
Не мог я душу им открыть, поплакать,  
Никто из них не мог понять меня.  
Не помню, чтоб из родственников кто-то  
Меня поцеловал, иль приласкал,  
И жизнь у каждого была своя, своя работа,  
Напрасно в них я теплоты искал.  
И женщины, из тех, что в жизни встретил,



С которыми делил постель и кров,  
Близки мы с ними были только телом,  
Я не нашел в них материнскую любовь.  
Всю жизнь такой любви мне не хватало,  
Я никогда ее вообще не знал,  
И тут такое счастье перепало -  
Я вдруг свою Светлану повстречал.  
Теперь ее я называю мамой -  
При всех, везде, хотя отцом могу ей быть,  
И без утайки я скажу вам прямо -  
Вдохнула жизнь в меня моя Светлана,  
И научила искренне любить.  
Я раньше был на много лет моложе,  
Но мне не удосужилось узнать  
Со всеми дамами, что я встречался в прошлом,  
Что значит джентльменом ощущать  
Себя. И рыцарем одновременно тоже.  
В Светлане - музе дорогой - мое спасенье.  
Проникла в душу так она мою,  
Что пережив войну, и голод, и лишения,  
Я удивляться не перестаю.  
Из дальнего степного Казахстана,  
Со мною на закате лет живет  
Моя любовь по имени Светлана -  
И волшебство, и божество мое.

50. Мне часто доводилось слышать  
В свой адрес критику, мол, не такой как все,  
Чужой среди своих, не так ты ходишь, дышишь,  
И говоришь не так. Не то ты видишь, слышишь,  
Живешь, как на нейтральной полосе.  
Я и чужим не свой, мне с ними скучно,  
Их интересы для меня пусты,  
Отдельно я стою. А все - толпою, кучей,  
И этого не могут мне простить.  
В глазах других, я мастью выделяюсь.



Смешно: восьмой десяток разменяв,  
Я сам себе немного удивляюсь,  
И, вроде бы, не замечать стараюсь,  
Как косятся другие на меня.  
Да, верно, жил я необычно,  
Жизнь я любил по-своему, и знал:  
Путь иноходца - это непривычно,  
Путь вольнодумца - это нетипично,  
Но я других путей не выбирал.  
Как к лидеру и первопроходцу,  
Ко мне самодостаточность пришла,  
Я был не рядовым, а полководцем,  
Удача не сама меня нашла.  
Друг к другу долго шли мы с ней навстречу,  
Мы и сейчас на месте не стоим,  
Еще есть силы, и еще не вечер,  
Друзей и недругов еще не раз мы удивим.

51. Светлана, милая, пойми,  
Признаться трудно мне тебе в любви.  
Всевышнему, за то, что познакомил нас  
Я говорил спасибо, и не раз.  
Мне легче выразить стихами  
Все, что я чувствую в душе.  
Я лишь могу сказать тебе глазами...  
Но ты без слов, наверно, поняла уже,  
Что жизнь моя с тобой другою стала,  
Что, словно в первый раз, влюбился я,  
Что никого и никогда, моя Светлана,  
Я не любил сильнее, чем тебя.  
В солидном возрасте влюбиться -  
Как будто заново родиться.  
Я на восьмом десятке ощутил  
В себе прилив желанья и сил.  
Я окунаюсь в молодость твою,  
И Бога за судьбу свою благодарю.



52. **Я** в эту жизнь пришел, чтоб мудрости набраться,  
А не затем, чтобы мечтам бесплодным предаваться.  
На игры с временем не трачу жизнь свою,  
Я мудрости учусь и мудрости учу.  
Иллюзий и обманов в жизни много,  
Но каждому дана судьбой своя дорога.  
Пройти ее достойно, без потерь,  
И есть предназначение и цель.  
А чтоб счастливым человеком стать,  
Необходимо каждый день дерзать,  
До старости работать и творить,  
И без оглядки на чужое мнение жить.
53. Для вдохновения любое место хорошо,  
Была бы лишь бумага да чернильное перо.  
Я знаю - вдохновение в себе  
Не спрячешь, не укроешь, не отложишь...  
Я как беременный хожу,  
В любой момент готовый мыслью разродиться.  
И вот, пока я не увижу плод,  
Не естся мне, не пьется и не спится.
54. **Я** рос, семейной лаской обделенный,  
Без папы, мамы и родни иной,  
Отдельно жил мой папа разведенный,  
Со сводным братом мама. И семьей  
Моей была Москва. По ней уныло  
Глухими вечерами я бродил.  
Любил Москву я. И она меня любила,  
А у родителей я нелюбимым сыном был.  
О, Бог! В обиду ты не дал меня ни разу,  
Благословлял меня и наставлял,  
Еврейский шустрый мальчик кареглазый  
Лишь с Божьей помощью в то время выживал.  
Ловчил, как мог... Всегда ходил голодный...  
С упорством хищника, с повадками зверья,  
Искал я харч любой, к еде пригодный,  
Хотел работать и учиться я.



Сейчас я Свету мамой называю,  
А почему? - я б у психолога спросил,  
Хотя ответ заранее я знаю -  
Я в детстве детства недополучил.  
Теплом семьи любимой обойденный,  
Забав не знал я, в игры не играл,  
Зато сегодня, сединами убеленный,  
Когда восьмой десяток разменял,  
Живу, любовью мамы окрыленный.  
Спасибо, Бог. Мой звездный час настал.

55. **Моя Светлана, ты же уникальна,**  
Ты резко отличаешься от всех,  
Ты необычна, ты оригинальна,  
И не похожа ты совсем на тех,  
Кого я раньше знал, с кем жил я и общался,  
И часто я вопросом задавался:  
А если бы я молод был, как ты сейчас,  
Увлекся бы тобой или погас?  
Пошел бы я, тебя увидев, за тобой?  
Могла возникнуть бы к тебе любовь?  
Тогда я бедным был, по улицам слонялся,  
С подобными тебе совсем не знался,  
Гулял всюду, таких как ты не замечая,  
И в буйной голове моей туман стоял.  
Сейчас, под старость лет, я будто бы очнулся,  
Измученной душою вострепнулся,  
Ты мне нужна, как муза, воздух, пища,  
Плоток воды в сухой пустыне нищей.  
Для творчества нужна, для вдохновенья,  
И для инстинктов удовлетворенья,  
И, без семейных всяких переборов  
Нужна мне для душевных разговоров.



56. **Я** пропустил любовь семьи, когда ребёнком был,  
Мне ощущение это было незнакомо.  
Я знал другое: голод, страх, беду... Реалии войны  
Встают перед глазами снова.  
Зато на склоне лет сполна вознагражден  
Я за войной украденные детские года.  
Пришла любовь, пришел покой...  
И лучше хоть сейчас, чем никогда.
57. **О** женщинах своих, что были в прошлом,  
Я помню хорошо, их не забыл.  
Но вот любил я их, иль не любил  
Сейчас уже сказать открыто можно.  
В тех связях не было божественной любви,  
Мой основной инстинкт меня толкал,  
Гормон, тестостерон играл в крови,  
Глаза мне мутной пеной пеленал.  
Любовь пришла благодаря Светлане,  
Тестостерон и страсть тут не при чем,  
С неведомой мне стороны. Нежданно  
Я был и увлечен, и завлечен.  
Как хорошо, что чувство новое пришло,  
Огонь любви в душе моей зажгло.  
Пусть живет во мне, покуда жизнь теплится,  
Я с этим чувством не смогу проститься.  
А прошлое? Я в нем покаялся, как смог,  
Пусть канет в вечность, да простит мне Бог.
58. **Я** - иноходец от рожденья,  
И по законам исключенья  
В солидный возраст молодым попал.  
Вторая молодость - желанная такая -  
Пришла, когда Светлана молодая  
Зажгла в душе моей пылающий пожар.  
Вновь юным стал я. Ощутил желанье  
Дерзать, творить, любить, на свете жить,  
Энергии прилив меня зовет и манит  
Брать новые высоты, рубежи.



За возрождение свое благодарю, Светлана,  
Ты для меня, как святость талисмана.  
Я - иноходец от рожденья,  
И по законам исключенья  
Всем доказал я и себе,  
Что иноходцы в жизни могут много -  
Творить, любить, торить свои дороги,  
И не жалеть о выбранной судьбе.

59. **Знак Зодиака у Светланы - Рыбы,**  
Стихия рыб - вода, а не земля,  
Ходить они не могут, бегать, прыгать,  
И прочие движенья проявлять.  
В воде же рыбы смотрятся прекрасно,  
Так грациозно, слаженно плывут,  
Хвостом себе виляют безучастно,  
И звуков, к счастью, никаких не издают.  
И никого они не беспокоят,  
А смотрят, думают об этом, и о том,  
У Рыб нам жизни поучиться стоит,  
На землю опыт их перенесем потом.  
Но только в реках рыбы обитают,  
Аквариум домашний - мир иной,  
Там тоже рыбы глаз наш услаждают,  
Экзотику внося, размеренность, покой.  
А я по знаку Зодиака - Дева,  
Люблю движение, энергию и труд,  
Охотник, воин я, и мастер дела,  
Которое я делаю и честно, и умело,  
Но на войну с собой Светлану не беру.  
Ее в тылу держу я крепком и надежном,  
И знаю, что меня там любят, ждут.  
Ужиться Деве с Рыбами несложно,  
Когда они друг друга берегут.



60. **Оригинал** создать - процесс нелегкий, трудный,  
И жизнь его сначала нелегка,  
Но, если веришь, что он нужен людям,  
Хранить его старайся, опекать.  
Немало я создал оригиналов,  
И очень многим в жизнь путевку дал,  
Уверен я, не забывают люди, знают,  
Кто истинным творцом их стал.  
Творите же, как я для своего народа,  
Отцу-творцу за жизнь платите дань,  
Благословляя матушку-природу,  
Вперед стремитесь, в будущего даль.
61. **Вы** будете, наверно, хохотать,  
Узнав, что в Турцию летаю я пожрать.  
Поездку эту дальнюю я с нетерпеньем жду,  
Чтобы поесть нормальную турецкую еду.  
Недельки на две или три приехав к мусульманам,  
Я в магазины не хожу, хожу по ресторанам.  
Негенетическая там еда,  
Я ею наслаждаюсь,  
И, вспомнив юные свои года,  
В советскую реальность окунаюсь.  
Негенетические овощи и фрукты  
Давным-давно, еще в Союзе ел,  
Мне позабылся вкус тех всех продуктов,  
К канадским пообвыкнуть я успел.  
Канадский пищевой огромный цех -  
На вид продукты все шикарные такие,  
Но вкус, полезность их сомнительны для тех,  
Кто пробовал, кто знал и ел другие.  
Вот и лечу я не в страну прогресса  
Естественную пищу пожевать,  
Турецкий чай попить, снять пищевые стрессы,  
И ностальгию по еде унять.



Ну, вот и все. Пора в Канаду ехать.  
Я возвращусь. И год или больше жду,  
Когда «по новой» мне захочется отведать  
Нормальную турецкую еду.

62. **Чтоб Светлане угодить,**  
Надо суперменом быть.  
Ее манеры - стоит поглядеть.  
Уверена в себе, умна, и без сомненья,  
Она, что рыбка золотая по сравнению  
С серебряными рыбками в воде.  
Лицо почти косметики не знает,  
Лишь только маникюр на пальцах рук и ног,  
Одежда - классику напоминает,  
Подчеркивает женственность, пленяет,  
И глаз мужской волнует и ласкает,  
Как сказочное, дивное панно.  
Чтобы Светлана на меня вниманье обратила,  
Чтоб глаз ее на мне остановить, -  
Задачей для меня нелегкой было,  
Я должен был усилия приложить.  
Она жила в далекой Праге, я - в Торонто,  
Я голову ломал: быть с нею как?  
Но почта, телеграф и самолеты  
Наладить помогли контакт.  
Я наступал. Я рвался напролом.  
Она ж индифферентно наблюдала,  
Чем кончится любовный мой погром.  
Два года я Светланы добивался,  
Метался, как челнок - туда-сюда,  
И, наконец, добился, отлетался,  
Ее согласия на переезд дождался,  
И в результате я, не без труда,  
Достал златую рыбку из пруда.



63. **В** хоккее, чтоб чего-нибудь добиться,  
Чтоб просто хорошо в хоккей на льду играть,  
Важней всего - тут надо научиться  
Мгновенно, хорошо соображать.  
Полмиллиона детворы в Канаде  
В хоккей играют. Страстно. С огоньком.  
Но на игру их массовую глядя,  
Я вижу: мыслят-то они с трудом.  
А тут, как в шахматах - важна «соображалка»,  
И хоть хоккей в их душах и сердцах,  
Но мало этого. Нужна еще смекалка.  
Хоккей рождаться должен в головах.  
Они играют с риском, храбро, жестко,  
Но скорость, быстрота низки весьма,  
Владеют клюшкой с шайбою нечетко,  
И ловкости нет тела и ума.  
Хоккей и шахматы - как будто бы нет связи,  
Но мы связать их все-таки рискнем,  
Как в шахматах продуман шаг фигур, разнообразен -  
То пешкой ход, а то слоном, конем.  
В хоккее ж детском только пешками играют,  
Детей не учат филигранности в игре,  
И виртуозной техники они не понимают,  
И часто в их хоккее нечего смотреть.  
Тридцать лет на Западе живу я,  
И учу детей в хоккей играть.  
Истину внушаю им простую -  
Три стадии игры необходимо различать.  
Сперва глазами, а потом мозгами...  
А телом - заключительный этап.  
- Не тренеру, природе сдать экзамен, -  
Твержу я детям, - можно только так.  
По правилам природы и науки  
Сначала мозг дает приказ-сигнал,  
Потом включаются в работу ноги-руки,  
Лишь после этого для клюшки час настал.



Давненько нахожусь я в оппозиции  
К канадским методам ведения игры,  
У них свои привычные традиции  
В хоккейном воспитаньи детворы.  
Я этому не придаю значенья,  
Всегда чужой среди своих, не свой среди чужих,  
Я из Союза перенес методику ученья,  
Где раньше я творил, искал и жил.  
Вперед иду я по тропе, что мной проложена,  
На ней мне новые задачи по плечу,  
И пусть другие смотрят настороженно,  
Я не копирую, а творчески учу.  
Мои компьютерные игры и идеи,  
Методики, системы, книги и статьи  
Внесли огромный вклад в науку о хоккее,  
Но главное - ученики мои.  
Они со всех материков везут награды,  
В Европе и Америке они на высоте,  
А главное - на родине хоккея, здесь, в Канаде  
Во всей спортивной блещут красоте.  
Везде они на верхних эшелонах,  
Хоть непроста туда, извилиста дорога,  
А кто привел их к титулам и трону,  
Известно им, и мне, и Богу.

64. Два года, как коньки свои на гвоздь повесил,  
Сейчас на льду в одних ботинках потому,  
Что врач предупредил, - диагноз был невесел, -  
Что захромаю, коль коньки на лед возьму.  
Проверено. И вправду захромал я,  
Но интересный факт, - я этим дорожу, -  
Никто не упрекнул, ни слова не сказал мне,  
За то, что на коньках учить не выхожу.  
Я думал, что умнее всех на свете,  
Ну, как же, я ученый, автор многих книг.  
Господь зазнайства не простил. За мысли эти  
Он наказал меня, остепенил.



Чтоб не выпендривался больше, не кичился,  
И слишком много на себя не брал,  
Чтоб на ошибках собственных учился,  
Бог для острастки взял и наказал.  
Я шесть десятков лет учил других, стараясь  
На льду как можно больше показать,  
Я не снимал коньков назло себе. И каюсь,  
Что надо б, дураку мне, было знать  
Причину хромоты своей. Но я тренировался,  
Характер свой упрямый закалял.  
Вернуть бы двадцать лет.. Уж я б не задавался,  
И с ног своих коньки, конечно, снял.

65. **Не** для себя, а для людей пишу я,  
И не себя люблю я, а людей,  
Детей люблю. Свою любовь большую  
Хочу вложить не в проповедь пустую,  
А в строчки книг, советов и идей.  
Мои «Сюжеты» жизненны, их стоимость бесценна,  
В них суть моих находок и потерь,  
Переживаний, мыслей сокровенных,  
И вместе с тем - признаний откровенных,  
Пусть юноша прочтет их, и старик согбенный.  
Входите! В книгу открываю дверь!
66. **Фигуристов** учил я в Советском Союзе,  
А на Западе, здесь, хоккеистов учу,  
Скоро лет шестьдесят, как служу Спорту музе,  
И не жалею об этом ничуть.  
Глаз мой наметан. За все это время  
Понял: родители в массе своей -  
Это такое неугомонное племя,  
На что ни пойдут для успеха детей.  
Но дети их, - вот незадача, -  
Часто не олимпийский «товар»,



Недостает чемпионских им качеств,  
Неподходящий они материал.  
Детям настойчивых предков неясно:  
Мастер спортивный на льду - это труд,  
Это упорство, терпение, классность,  
В спорте вершин на «ура» не берут.  
Мораль вытекает отсюда такая:  
Золотой олимпийский венец светит тем,  
Кто своим слабостям не потакает,  
Кто сперва сам себя побеждает,  
Трудится так же, как мама его и отец.

67. Мелькают предо мной воспоминаний даты,  
Моей судьбы крутые виражи,  
И воинская часть моя, где родине солдатом,  
Спортсменом, музыкантом я служил.  
Подружка молодости Мила  
Недалеко от части той жила.  
В Московском ВТУ она училась,  
Была она смазлива и мила,  
Одна шальная мысль меня сверлила  
И не давала мне спокойно жить -  
Каникулы начнутся в ВТУ вот-вот у Милы...  
Как мне из части в увольнение уйти?  
Счастливо погуляем по Москве мы,  
Придумаем еще чего-нибудь,  
И я нашел простую, в общем, схему,  
Как из родной мне части улизнуть.  
Я позвонил дежурному сержанту,  
Что по полку в тот день дежурство нес,  
И голосом могучим Левитана  
Такую фразу грозно произнес:  
«Телефонограмма  
Министерства Обороны СССР.  
Срочно откомандировать солдата Смушкина  
На 10 дней для соревнований по фигурному катанию  
По просьбе Всесоюзного Комитета Спорта».



Ну, как вам текст? По-моему, удался,  
Во всяком случае, едва лишь час минул,  
Пришел приказ, которым направлялся  
Я.Смушкин... к Миле...  
Долго мы шутили,  
Как власть советскую я малость обманул.  
Потом мы с нею у Москва-реки гуляли,  
Счастливые, часов не наблюдали,  
И нам луна так трепетно светила...  
А что еще? Спросите-ка у Милы.

68. Карен сегодня позвонил, сказал о том,  
Его отец - я знал его - в больнице умирает.  
Больница - это каждый знает,  
Наш первый и, увы, последний дом.  
Из темноты пришли мы, в темноту уйдем,  
Оставив все родным, друзьям и детям,  
Все, что накоплено за жизнь, с собой не заберем,  
Нам ни к чему оно на том загробном свете.  
А здесь богатство, деньги - кладезь грез,  
Что молодых, здоровых опьяняет,  
Источник в них и радостей, и слез,  
Смертельно же больных они не утешают.  
А денег хруст иль звон золотых монет,  
Перед которым ты благоговеешь -  
Все это только суета сует,  
Поймешь, когда серьезно заболеешь.  
Мой друг сказал: «Сегодня папа умер,  
А ведь еще смеялся он вчера.  
Метаморфозы не приемлет ум мой,  
Ведь только что он был живой и шумный,  
Дарил конфеты сестрам, докторам...»  
Я в дальний путь на небеса собрался.  
Сказал себе: «Пожалуй, хватит жить».  
Там встречу Бога - он меня заждался,  
И есть о чем мне с ним поговорить.



Взлетит моя душа за облака далече,  
А тех, кого я знал, с кем прожил я в любви,  
Я там, на небесах уже вас встречу,  
Я подожду вас, близкие мои.

69. **О** падчерицах я хочу сказать,  
Они в моей, не раз женатой, жизни,  
Не раз, не два, не три мне повстречались,  
И так оно само собой случалось,  
Что каждой дал я все, что мог я дать,  
Когда с их мамами жил в собственном я доме.  
Всех на ноги поставил, всех учил,  
Одну я выдал замуж. В общем был  
Не пугалом для них - отцом и другом верным,  
И спонсором, и меценатом щедрым,  
И относился к ним я безусловно,  
О каждой, что я в люди вывел, вспомнить есть что.  
Ну, вспомнить-то могу, но не могу понять,  
Любили ли они меня?  
Конечно, нет. И это мой ответ.  
Ни капли в нем ни лжи, ни фальши нет.  
Они меня, ну, скажем так, терпели.  
На жертву эту ради мам своих  
Они геройски шли. Хотя, на самом деле  
Судьба как бы подкинула в нагрузку их.  
И прав я иль не прав, но третьим лишним  
В семейном треугольнике был я,  
И к сожаленью, так оно уж вышло,  
Женился на одной, а получается, что двух взял я.  
С мужским достоинством сносил я жизнь такую,  
Все бзики их, все фортели терпел,  
Теперь по опыту, по горькому, скажу я,  
Что «ящериц» я вынес на себе.  
Да я не ошибаюсь, вы поверьте,  
У ящериц ведь хвост не оторвешь,  
Им правда ни к чему, она им хуже смерти,  
Милей им по душе интриги, хитрость, ложь.



Чуть что не так - ведь в доме все бывает, -  
Их мамы обижаются, зудят,  
Скандалят, злятся, хлопают, швыряют  
И исподлобья на меня глядят.  
И я - глава семьи, мужик женатый,  
Сидел голодный и о том тужил,  
Что без вины я в чем-то виноватый,  
В немилость эту к Богу угодил.  
Но это полбеды, а всей бедою было,  
Что ящерица-падчерица та,  
Лишившись на денек-другой хвоста,  
Плядишь, его по новой отрастила,  
И вновь, как прежде, ловко им крутила,  
Чтобы опять причиной ссоры нашей стать.  
Теперь, под старость, став умнее,  
Зарок я дал, что ящерицы те  
Проникнуть в дом мой - крепость, не сумеют,  
И мамам-лисам вход заказан навсегда.

70. Мне было двадцать лет. Мой друг Семен  
Однажды позвонил мне и сказал,  
Что от машины папиной ключи имеет он,  
Отец уехал и ему их дал.  
- Махнем за город, на природу, -  
Мне предложил Семен, - давай ответ.  
Девчонки есть, хорошая погода,  
Эх, словим кайф! Согласен или нет?  
Ну, почему бы мне не согласиться,  
Конечно, я ему ответил «да»,  
И мы поехали. Прекрасная езда,  
Так с ветерком приятно прокатиться.  
Семен водитель был совсем неважный,  
Но форс перед девчонками держал,  
И потому одной рукой отважно  
И с гонором машиной управлял.



Сидел я справа, рядом с ним. В окошко  
Смотрел - глазел и головой крутил,  
И радостно мне было от того что,  
Я молод, я красив, я полон сил.  
Я предвкушал, как будем мы резвиться,  
Какой пикник маячит впереди,  
Но вдруг заставил нас остановиться  
Свисток. Семен машину осадил.  
Идет к нам милиционер-блюстителъ,  
Решимость на лице и очень грозный вид.  
Из будки он заметил, что водитель  
Нарушил правила. Семену штраф грозит.  
Холодный свет из глаз его струился,  
Но с правой стороны он подходил.  
Моей. И в миг, когда остановился,  
Я дверь машины резко отворил.  
И страшным голосом я прогорланил стражу,  
Напрягшись изо всех наличных сил:  
- Сержант! Ведь ты не представляешь даже,  
Кого сейчас свистком остановил.  
- Кого? - а на лице испуга мина.  
- Кого?! Да в оба ты гляди!  
Да я сын Смушкина, Советского Союза гражданина!  
Зачем ты только в будке наверху сидишь?  
Семен, поехали, прибавь-ка газу,  
Нас ждут давно, - шоферу я сказал.  
Сержант задумался. Он не припомнил сразу  
Как он прошляпил? Где он маху дал?  
И долго вспоминал еще служивый,  
Что, кажется, есть Смушкин-генерал...  
Как славно, что не отобрал он ксивы,  
А то б, глядишь, по шапке схлопотал.  
Мы далеко отъехали. Семен вдруг рассмеялся,  
И говорит мне: - Молодец ты, блин!  
Геройски вел себя, не растерялся,  
Как будто вправду генеральский сын.  
- Нет, - отвечаю, - не соврал я менту,



Ведь гражданин Союза батя мой,  
Не член Политбюро он, это верно,  
Сержант придумал сам, что он не рядовой.  
Конечно, вел себя он осторожно,  
Точнее, как законченный дурак -  
Оспорить то, что я сказал, ведь невозможно,  
И это, согласись, неубиенный факт.

71. Для мемуаров время наступило,  
Как хорошо, что есть мне что сказать.  
Во мне историй столько накопилось,  
Что мне не терпится об этом написать.  
Я «смушкинизмами» давно хожу беремен,  
Мечтая разродиться и создать  
Свой мемуарный цикл. Ведь переполнен тем я,  
Что мне пришлось в сей жизни повидать.  
«Писанья» - это хобби для меня,  
Они меня настолько увлекают,  
Что я зарыться в них могу, тоску унять,  
И обо всем на свете забываю.  
А иногда, уставши от стихов,  
Я за рояль сажусь и звуки извлекаю,  
Я ухожу от жизненных тисков,  
Когда пишу стихи и новые мелодии рождаю.  
Моя же первая любовь - с учениками быть.  
Испытываю я возвышенное чувство,  
Когда могу их ловкости учить,  
Передавая им игры на льду искусство.  
Но время остается и для дома,  
Когда мы со Светланой вдвоем  
Стихи, мелодии в венок один сплетаем,  
Мы неземное счастье ощущаем,  
Мечты, желания в реальность воплощаем,  
Так дышится свободно и легко нам,  
Как будто новый мир мы создаем.



72. Когда свои стихи писать кончаю,  
Как правило, Светлане их читаю.  
Она умеет слушателем быть,  
И правильно мою задумку оценить.  
Но иногда я даже и Светлане  
Читать не в силах новые стихи.  
Я попадаю в бурный вихрь стихий,  
Меня, как в омут, прошлое все тянет,  
Поверьте, слезы льются иногда,  
Доходит даже до мужских рыданий.  
Воспоминанья... Прошлое... Года...  
Терзают душу и на сердце давят,  
Свежи во мне все тяготы войны,  
Они живут во мне, не умирают,  
Обиды давние никак не заживают,  
Как будто бы навек обнажены.  
Мне кажется, что за мои мученья  
Светлану Бог в подарок мне послал,  
Она, как солнца луч, волшебное виденье,  
Еще всех лучших слов о ней я не сказал.
73. Светлану я люблю, к тому же уважаю.  
Два разных слова, ну, а смысл один,  
Ее уже не первый год я знаю,  
Сужу о ней с высот своих седин.  
Людей Светлана любит - я свидетель.  
Знакомых, близких и друзей своих,  
Чужому горю - искренний радетель,  
Она душой болеет за других.  
Я ей с поклоном должен ноги мыть,  
Не брезгуя и воду эту пить.  
Когда над страной война грохотала,  
Мужчины, мужья, на фронтах воевали,  
А у станков, у мартенов стояли  
Подруги их, жены - и тоже победу ковали.  
А здесь, сейчас? К мужчинам - дух пренебреженья,  
Оговорить, унижить -  
Вот смысл женских отношений.



74. Хочу сейчас я поделиться с вами -  
Когда стихи пишу, то часто я смеюсь,  
Или обильно слезы проливаю,  
И смехом этим, этими слезами  
Смерть от себя свою отодвигаю,  
А значит, мыслю я, я ощущаю,  
Я чувствую горячей жизни пульс.  
Когда пишу иль на рояле я играю,  
То сам себе я доктор, фармацевт  
И экстрасенс - и все в одном лице.  
Я никаких лекарств не принимаю,  
И прожитые годы отступают,  
Работаю на льду, как молодой,  
И о природе я не забываю.  
И о Светлане. Любимая - она всегда со мной.
75. Война всегда жестока и трагична,  
Она приносит горе - это суть,  
Но часто думаю, а кем бы стал я лично  
Не будь войны. Сложился б как мой путь?  
Война заставила меня быстрее взрослеть,  
В пружину внутренние силы сжала,  
Когда ровесники мои в Алма-Ате  
Учились или во дворах играли,  
Самостоятельным я рано стал. В Москве  
Все школы в эти дни закрыты были,  
Со взрослыми пришлось общаться мне,  
Эвакуировать пришлось детей в районы тыла.  
Мне было лет одиннадцать всего-то,  
Бежать мне было некуда, увы,  
И немцы вот уж в Химках, у Москвы,  
А я - пацан. Мне есть и пить охота.  
Ноябрь сорок первого года  
Я вынужден в сердце хранить,  
Ту панику, что у народа  
Возникла в ноябрьские дни.  
Но немцы застряли. С Москвою не вышло.



Бояться народ перестал,  
А я же из Яшки-мальчишки  
Мужинойо-Яковом стал.  
Когда из Алма-Аты ребята возвратились,  
То с ними не срослось опять.  
Я и они не подружались,  
Я взрослым был, они же - ребятя.  
Война мое перечеркнула детство, юность,  
Я вырос детских игр, забав не зная,  
С тех пор за взрослыми людьми иду я,  
Их цели, интересы разделяя.  
За зрелость, что ко мне пришла так рано,  
Я грозные те дни обязан помянуть.  
Благодарю войну я, как ни странно.  
Прошедшую благодарю войну.

76. Страна белоснежного льда - Канада,  
За то благодарность тебе приношу,  
Что в ученьи детей нахожу я усладу,  
Не чувствуя утомленья и спада,  
На зависть другим я со льда не схожу.  
Здесь воздух свежий, чистый, как хрусталь,  
Здесь сверху яркий Божий свет струится,  
Для фигуристов здесь прекрасные места,  
И хоккеистам есть где расходиться.  
Я здесь учитель, я как Бог, один в трех лицах,  
Здесь режиссура вся на льду моя.  
Для фигуристов я художник композиций,  
Духовник хоккеистов смелых я.  
А может, иногда и так случится,  
Наставник тем и этим, высший им судья.  
Ну, где, скажите, точка та земного шара,  
Где с упоением катаясь на коньках,  
Могла бы ниспослать такой подарок  
Вам Божеская щедрая рука?  
Свою страну с ученьем «Смушкинизма»,



Я, как Колумб Америку открыл,  
Трилогию секретов «хоккеизма»  
И ловкости в игре я сочинил.  
А 30 лет назад для фигуристов  
Учебник техники создал, признание получил  
У тех, кто лишь смотрел, как я учил,  
Искусству на коньках кто у меня учился.  
Вот этим я дышал и жил.  
Открыто, прямо, честно и без лжи,  
Чем в этой жизни я и отличился.  
«Кульбит редчайшей техники» на льду искристом  
Не каждому дано осуществить.  
В одном лице гимнастом, акробатом, фигуристом,  
Философом, поэтом и артистом,  
И даже музыкантом надо быть.  
И только «иноходец», уклонист и вольнодумец,  
Эксцентрик, «аутсайдер» и мустанг,  
В руках кто держит мастерства ключи,  
Сумеет сохраниться в жизни так,  
Что есть в нем сил запас и стойкость духа,  
Чтоб без коньков и по сей день учить,  
И 20 лет еще, по крайней мере,  
На пенсию со льда не уходить.

77. **Конец дерзаньям жизненным у всех у нас один,  
И я не исключение, конечно.  
Хочу к нему с любовью я прийти,  
И к Богу, и к прекрасной Музе вечной.  
Свободный я, и вольный человек.  
Себе я имя доброе нажил, и разных благ достиг,  
Я - Смушкин Яша, как и Пушкин Саша  
Нерукотворный памятник воздвиг.  
Вернее, я его еще сооружаю.  
При жизни памятник, задолго до конца.  
Успехи, достижения свои я в нем отображаю,  
Чтоб память светлую  
В людских оставить душах и сердцах.**



78. **В** Москве, на рынке Птичьем  
Длиннобородый старец обитал.  
К ботинкам всех фасонов - без различий,  
Всего лишь навсего шнурки он продавал.  
В том был его гешефт и бизнес,  
За доброту, за красоту, за ум  
Он всем базарным обществом был признан,  
И уважали все его к тому ж.  
Что интересно - дядя Моисей  
Был, как и я, по паспорту еврей.  
И мало кто в Москве и в мире знал,  
Что он большим богатством обладал.  
Шнурки - и все. И больше ничего,  
Но это яркий был пример того,  
Как ловкость рук, ум и еще там что-то  
Ведут к богатству, деньгам и почету.  
И кто докажет, что Сократ мудрей,  
Чем этот самый дядя Моисей,  
И что Суворов был его смелей?  
Ибо в Москве, под носом у властей  
С одним тузом козырным - ну, сумеи  
Набить себе по самый край карманы.  
Тут Бисмарк отдыхает с Талейраном.  
Без связей, без партийного билета,  
Еще и взятки с неевреев брал при этом.
79. **И** чем я в детстве раннем не болел!  
Мне мама говорила: хилым рос  
Ветрянку, дифтерию, корь я перенес,  
На этом поприще я очень преуспел.  
От скарлатины, - мама говорила, -  
Я чуть не умер на ее руках,  
Лежал в больнице, дело было «швах»,  
Но пронесло. Судьба меня хранила,  
С поры той на ногах я крепенько стою,  
И прочно линию на жизнь держу свою.



Болезней внешних, внутренних, заразных  
На всю катушку испытал сполна,  
Зато в войну я не болел ни разу.  
Я понимал - болеть нельзя, пришла война.  
А раз война - законы здесь другие,  
Успел я это хорошо узнать,  
Что наступили времена лихие,  
Болезнь нельзя, лишь можно умирать.  
Как в Ленинградскую блокаду умирали  
От голода, от холода, от бомб.  
В Москве морозы жуткие стояли,  
Я голодал, жил, как бездомный бомж.  
Я по чужим дворам метался, как собака,  
Еду искал, работу я искал,  
Но не скулил, не ныл я, и не плакал,  
Страданиями свой дух я закалял.  
Не позволял себе я расслабляться,  
Ни капельки поблажки не давал,  
Врачом и спортом мне была война - куда деваться?  
Кого себе на помощь мог позвать?  
Кому сигналить «SOS» я мог в то время,  
Как мог? Ведь каждый выживал тогда,  
Я лишь надеялся и крепко верил,  
Что кончится война и никогда  
Не буду я голодным, одиноким -  
Свое я отболел, отголодал.  
Так и случилось, выдержал зарок я,  
Не «бюллетенил» я и голода не знал.

80. Тот, кто меня хоть да немного знает,  
Тот, может, скажет обо мне, что я  
Характером нелегким обладаю,  
И странным, и чужим, и ненормальным я бываю.  
И как вам репутация моя?  
Ну, а какой же я бываю дома?



Мы спросим у Светланы, ведь она  
С моим характером давно уже знакома,  
Который год мы с ней семья одна.  
Светлане слово: - Да, ты нестандартный  
И странный, - так Светлана говорит, -  
Зато не серый ты, неординарный,  
Ты одаренный человек и многогранный,  
Таланта звездочка во лбу твоём горит.  
А то, что ты немножко ненормальный,  
Заскоками и бзиками грешишь,  
Так ты ведь экземплярчик уникальный,  
И мне с тобой совсем нескучно жить.  
Ты не такой, как многие мужчины,  
Ты, как магнит, что притянул к себе  
И крепко держишь. В этом вся причина,  
Что я судьбой довольна - не о чем жалеть.

81. **Я** часто задаю себе вопросец -  
Кто в жизни я? Хорист или солист?  
И отвечаю: резвый иноходец,  
Я фигурист, и я же хоккеист.  
Ученикам своим я полководец,  
В какой-то степени волшебник я и маг,  
Бесчисленных идей своих творец,  
ТЬфу-тьфу, не проходимец, не подлец,  
Не шут, и не чудак, и не дурак,  
И уж, конечно, я не мафии делец.  
Бог похвалил с небес меня однажды,  
Сказав: «Ты, Яков, супер-молодец».
82. **Я** собираюсь завтра улететь в Европу,  
Но нынче у меня ну просто жалкий вид -  
Ломает кости, на душе тревога,  
Тошнит меня, мутит и голова болит.  
Я растерялся и заволновался,  
Но все же улетел, болезни не дождался.



А вот и Цюрих. Мой отель отменный.  
Звоню сестре в Москву: - Ну, здравствуй, это я.  
В Европе я. Добрался бесппроблемно.  
Привет передавай всем близким и друзьям.  
Сестра в ответ мне новость сообщила -  
Вчера в больнице мама умерла.  
Меня, как обухом, как громом оглушило,  
Как будто молния меня насквозь прошила,  
И речь мою мгновенно отняла.  
Так вот причина, что вчера в Торонто  
Меня всего крутило и ломало.  
Я понял те рыдания и стоны,  
Что перед вечным сном мне посылала мама.  
Сидел в отеле я и обращался к небу,  
Молясь и плача в мрачной тишине:  
- Я виноват, что в смертный час я не был  
С тобой. Прости меня. Не по своей вине...

83. **Мудрецы на свете разные бывают.**  
Молодым философам - ума не занимать,  
Старые, они на опыт напирают,  
Куда ж себя, любимого, могу я записать?  
В афоризмах признаю я искренность и точность,  
Назло врагам и всем завистникам моим  
Себя я отношу, простите за нескромность,  
Одновременно к первым и вторым.
84. **Гимнастика на льду - моя идея. Эту школу**  
На Западе придумал я. Зачем, хотите знать?  
Когда в Америку приехал я, то был совсем не молод,  
И надо было как-то выживать.  
Под пятьдесят уже тогда мне настучало,  
Но спорт любил я, и детей любил,  
И это было тем толчком и тем началом,  
С которого я «Gym on Ice» родил.



Трещали кости у меня и рвались мышцы,  
Когда я технику показывал на льду,  
Но не на миг не допускал я мысли,  
Что побежденным я со льда уйду.  
Гимнастикой я в прошлом занимался,  
Был чемпион Москвы, и опыт свой  
Внедрить как «ноу-хау» постарался,  
Перенести на коврик ледяной  
И подкидные доски, карусели.  
И много всяких игр, забав, затей  
Я перенес на лед. Чтоб стало веселее  
И радостней на сердце у людей.  
Все заработало. Успех был колоссальный.  
Понравилось моим ученикам,  
Их папам, мамам, родственникам дальним,  
И я, конечно, был доволен сам.  
Мои суставы больше не трещали,  
Ослабленные мышцы не рвались,  
Как будто молодость вторая возвращалась,  
И годы понеслись не вверх, а вниз.  
Мой «Gum on Ice» сейчас в Америке, Канаде  
Расцвел, похорошел, как розы куст,  
Мне большая и не нужна награда,  
Своим я детищем любуюсь и горжусь.  
Не все, работая на нем, конечно, знают  
Кто все придумал это и создал,  
Меня ж нисколько это не смущает,  
Ведь главное - я радость людям дал.

85. За шестьдесят моих последних лет на льду  
Учеников моих, их пап и мам узнал я многих,  
Они прошли, пришли, и до сих пор идут  
В мой класс по скользкой ледяной дороге.  
Они, как волны, приливали, отливали,  
В зените славы кто-то умирал,  
Но в памяти моей свой добрый след вы оставляли,  
О вас я никогда не забывал.



Я знаю, все вы помните меня,  
Расскажите и детям вы, и внукам  
О докторе, что вас на льду гонял,  
И мучил, и учил премудрым штукам.  
Бывали времена, душой устав,  
От одиночества, тоски - не передать словами,  
Я чувствовал, что жизнь моя пуста  
Везде и всюду. Только лишь не с вами.  
А дома, в четырех своих стенах,  
Я чувствовал себя испуганным, ущербным,  
Но вспомню вас - и пропадал мой страх,  
И сразу успокаивались нервы.  
Представить не могу, что если бы на льду  
Вас не было со мной, и не было бы музыки.  
Не выдержал бы я такого груза,  
Я б волком выл под полною луной.  
Идем по жизни вместе мы, друг другу помогая,  
Вы мне - теплом своим, присутствием на льду,  
Я вам взаимною любовью отвечаю,  
И в трудный час всегда на помощь к вам приду.  
Рабочим опытом делился я охотно.  
Да, прыгать-бегать по земле вы все могли,  
Ну, а скользить по льду красиво и свободно  
Ко мне учиться вы, друзья, пришли.  
Вот вы и есть мой памятник высокий,  
Что я на льду в своей стране воздвиг,  
Где я катался с той поры далекой,  
Когда на лед пришел мой первый ученик.

86. **Кем Бог и для чего создал Светлану?**  
Я верю однозначно только в то,  
За «просто так» путевку в жизнь желанную  
Не получает от Всевышнего никто.  
Она дается нам, чтоб строить судьбы жизни,  
И каждому свой предназначен путь,  
И каждый должен быть к чему-то призван,  
И должен каждый что-нибудь кому-нибудь.



Уверен точно, что Светлане  
Всевышним так стезя дана:  
Чтоб быть ей леди-дамой-мамой,  
В трех ипостасях создана она  
Не для себя, а для других, меня включая.  
Она не рвется в центр, локтями всех тесня,  
Щедра она, добра, на лица невзирая,  
Чужое не пытается отнять.  
Она - прекрасный образец природы,  
Что окружает нас всегда, везде.  
Природы, у которой нет плохой погоды,  
И на земле, и в небе, и в воде.  
Все, что Светлана делает - красиво,  
А помыслы ее бесхитростны, чисты,  
В ней слабость женская и женская же сила,  
В ней дом мой, крепость и надежный тыл.  
Она - аэропорт, тут старт дают в дорогу,  
И самолеты все стекаются сюда.  
Как в современной жизни женщин много!  
Как мало настоящих леди, мам и дам.  
Страницы жизни медленно листая,  
Мужчины делят с ними радость и беду,  
И молодеют, и не увядают,  
И с радостью в свой теплый дом идут.  
Они спешат туда, а потому, что знают,  
В том доме любят, ценят их и ждут.  
Да, можно позавидовать счастливым,  
В семье нашедшим и покой свой, и уют.

87. Мне было пять, а может быть шесть лет,  
И мама в детский сад меня водила.  
Любил я детский сад. Особенно обед,  
Которым нас в столовой там кормили.  
А жареные белые грибы,  
И с жареной картошечкой в комплекте -  
Ах, объеденье! Не могу забыть.  
Любил я блюдо то сильней всего на свете.



Но в тот несчастный день, что в памяти запал,  
Невероятная со мной случилась штука -  
Я жареных грибов не захотел,  
И попросил одной картошки с луком.  
И надо же, какой удар случился!  
Грибы те несъедобны оказались,  
И весь детсад наш сильно отравился,  
И детям всем, и взрослым плохо стало.  
Конечно, всех отправили в больницу,  
Я там кричал, рыдал и слезы лил,  
Начальницу чуть-чуть поколотил.  
Я бился, как в закрытой клетке птица,  
Сопrotивлялся я, как только мог,  
Я не хотел в больнице оставаться,  
Домой я рвался, я хотел домой.  
Но силы неравны, и некуда деваться,  
А все мои ровесники, не дрыгаясь, лежали,  
Осознавая, выхода-то нет.  
Они от колик в животе страдали,  
И то и дело мчались в туалет.  
А я протестовал в своей кровати,  
Не чувствовал я колик, был здоров,  
Не бегал в туалет. Ну, в общем, был в палате  
Бунтарь безудержный, гроза для докторов.  
Чтоб доказать врачам, что не больной,  
Что в рот грибов ни капельки не брал,  
Я прыгал на кровати и кричал:  
- Здоров я! Я хочу скорей домой!  
И вот итог - я одержал победу,  
Неравный выиграл с врачами бой.  
И вот он, результат - домой я еду  
В объятья мамы дорогой.

88. **Я** в Северной Америке живу уж 30 лет.  
Есть дом - в нем телевизор до черта,  
Но к передачам интереса нет,  
Ну, разве к метеопрогнозу, новостям и спорту.



Такой я телезритель необычный -  
Хоть регулярно по счетам плачу,  
Не нахожу в TV я передач приличных,  
Они меня не трогают ничуть.  
Я рано повзрослел в войну и возмужал,  
Но выстоять сумел и устоять,  
Меня нельзя согнуть, к ногтю прижать,  
Меня возможно только расстрелять.  
Я, глядя на экран, не понимаю  
Стиль, образ, поведение мужчин,  
От аллергии к ним заболеваю,  
Но нужно не меня, а их лечить.  
Ну, как же так, что сильный пол сегодня  
Под слабого работает, свой имидж поменяв?  
И в женском появляется исподнем,  
И женские ухватки перенял.  
И немощным он выглядит, и слабым,  
Ну, как ружье такому дать, в разведку взять?  
Он даже ведь не женщина, а баба,  
Такого невозможно уважать.  
Смешно представить - он в постели с дамой,  
Вот где начнется карусель полов!  
Ну, прямо, для пародии реклама,  
Я воспринять такое не готов.  
Для тех, кто вырос в западной культуре,  
Кто не знаком с культурой другой,  
Кто штампом и шаблонами окурен,  
TV он смотрит с дорогой душой.  
А в этой западной культуре - зачастую дуре, -  
И женственность, и грация в архив сданы давно,  
Воздушность нежных фей и дамские фигуры  
Экрану нынче просто не нужны.  
Все с ног на голову сейчас перевернулось,  
Да так, что без поллитры не поймешь,  
В мужчинах женское начало вдруг проснулось,  
А лозунг женщин: «Феминизм даешь!»  
Должна, мол, женщина смелее и ловчее,  
Сильнее, а не женственнее стать.



Вот на экране женщина со штангой,  
Футболом вот она увлечена.  
Изящество слона и грациозность танка  
При этом демонстрирует она.  
Кто только на экране не мелькает -  
И гомики, и лесбиянок рой,  
И однополая любовь права качает,  
И педераст уж не изгой - герой.  
Быть независимой соперницей мужчине -  
Вот доблесть женская, с экрана нам твердят.  
Такие принципы в почете ныне,  
Такой народу прививают взгляд.  
Кого нам новый генофонд подарит сдуру?  
Бог создал нас людьми, ему уж все равно  
В какую мы себя переведем структуру:  
Полулюдей, полублядей, что на смех курам,  
А может просто в полное говно.

89. **О** том, какая жизнь была в Совке,  
Написано немало,  
И никого сейчас не удивишь рассказами о том,  
Как люди жили под советским красным флагом,  
Готовые в любой момент идти на смертный бой.  
Да что тут говорить, всего не перескажешь,  
Что было, то давным-давно в историю ушло...  
Я понимал, что жить в Совке  
Мне будет трудно очень,  
Ведь иноходцем быть меня всегда влекло.  
И вот в какой-то из моментов озаренья  
Всевышний дал мне правильный совет -  
Уйти на лед, чтоб там  
Познать счастливые мгновенья  
Свободы творчества и вольнодумства свет.  
На льду все происходит без обмана,  
И скользкая поверхность во сто крат  
Надежнее ковров партийных кабинетов,  
Где вонь интриг и непорядочности смрад.



Еще Господь мне наказал отбросить все сомненья  
И воспитанию детей все время посвятить,  
Мол, очень важно научить их жить в скольженьи,  
А по земле они и без тебя узнают, как ходить.  
И вот, прислушавшись к Всевышнего советам,  
Я в ледяной стране создал религию свою.  
И за собой повел детей, подобно Моисею,  
И до сих пор - веду, учу, напутствую, творю.

90. **В** одном я рекордсмен, а может - чемпион,  
Америку и Запад удивляю,  
И сам, конечно, очень удивлен,  
В недоумении плечами пожимаю.  
Конечно, жизнь заставила меня  
Так резко перевоплотиться,  
И свой спортивный вектор поменяв,  
Из фигуриста в хоккеиста превратиться.  
В Европе ли, Канаде ли, примеров не сыскать,  
Каким же надо быть авантюристом,  
Чтобы рискнуть детей хоккеем обучать,  
Используя коньки «от фигуристов».  
И не «за так» работал я, а за валюту,  
Американский доллар платой был,  
Сегодня никого не удивишь ты этим абсолютно,  
Но я участок тот забил, я прииск тот открыл,  
С акцентом русским, на плохом английском,  
Но полон сил творить, искать, дерзать,  
*Я был советским первым фигуристом,*  
Кто юных и не очень хоккеистов  
Ребро хоккейного конька учил держать.  
Не помнит этого хоккейный мир, наверно,  
Не все рекорды в Книге Гиннеса хранятся,  
У Бога свой архив - он полный, достоверный,  
И там уже не мог я затеряться.  
В нем все мои открытия, новации,  
Что сделал я в Союзе, в эмиграции,  
Три книги по хоккее написал,



Трилогию по ловкости создал,  
Учебник этот я адресовал  
Американским и канадским хоккеистам.  
Чтоб превзойти рекорды Яши-фигуриста,  
Четыре книги надо написать.  
Кому под силу груз такой поднять?  
Пуускай попробуют охотники, - поймут,  
Какой за этим всем гераклов труд.

91. **Родители моих учеников**  
Меня расспрашивают часто,  
Чем занимаюсь дома я,  
В свободное от тренировок время.  
Я отвечаю им, что постоянно занят,  
Ведь к праздности я с детства не привык.  
Читаю, думаю, учусь, вбираю мудрость книг,  
Пишу стихи и афоризмы сочиняю,  
И музицирую - не перечесть всего,  
И это все - труды моей души.  
Они необходимы для того,  
Чтобы потом, на льду, мне было что вложить  
В своих учеников.
92. **Однажды сводная моя сестра**  
Мне рассказала, что ее начальник  
И многолетний сослуживец -  
Его сынка в те годы я тренировал -  
Так отозвался обо мне, паршивец:  
- Хороший тренер, лучшего не знал,  
Но я б его, как это ни печально,  
Своей рукою, как собаку, расстрелял...  
- За что?! - сестренка в ужасе вскричала,  
- Попал мой брат в твою опалу,  
И чем он заслужил твою немилость?  
Что натворил? И что вообще случилось?



За что ты мог настолько обозлиться,  
Что стал готов на самое святое покуситься?  
И отвечал начальник так ей:  
- О, нет. Здесь никакой нет тайны.  
Я брату твоему плачу за сына,  
А он его гоняет, как скотину  
По полю с клюшкой. Где тут жалость? Где?  
Уж сын устал, а он его в узде  
Все держит крепко. Мучает. Терзает.  
Не даст передохнуть. Семь шкур с него спускает.  
И он же видит, как мой сын страдает,  
А он его не хвалит, а ругает.  
Ну, как я мог на это все смотреть?  
Готов я был белугою реветь.  
От нервов закурил. На лед чуть не свалился,  
А тренер, брат твой, вдруг остановился.  
И перестал учить. Мол, дескать, хватит.  
Видать, он с глаз долой меня хотел отправить.  
Ну, плюнул я, ушел к себе домой,  
Расстроенный я был и очень злой.  
А здесь начальник я, тут я руковожу,  
И чем могу, тебе я наврежу.  
- И как же отомстил тебе твой босс? -  
Своей сестренке задал я вопрос.  
- А очень просто отомстил,  
Он кислород мне перекрыл,  
Мою зарплату заморозил,  
Служебный рост остановил.  
Скажи мне, брат мой, честно, откровенно:  
Ты не придумал ничего умней -  
На босса моего наехать. Ведь мгновенно  
Обиду на тебя он выместит на мне.  
- Ну, что ж, и я тебе отвечу прямо.  
Да, в тренировках жесток и упрям я.  
В тот день я был на льду, учеников учил,  
Выкладывался, не жалея сил,  
Всю душу отдавал свою, старался,



От парня высших результатов добивался,  
И быстроты, и точности шагов,  
Но что поделать, если у него  
Не шел тот тест, никак не удавался.  
Что нервничал отец, значенья не придал я.  
У них, родителей, обязанность простая:  
Ребенка привести на лед и оплатить урок,  
Советов не давать - они не впрок.  
Не делать наставлений, замечаний,  
Смотреть, закрывши рот свой на замок.  
Об этом я предупреждал заранее.  
И все. На льду один хозяин - тренер.  
Привел сюда ребенка, значит верь мне,  
А кто не верит - вот на выход дверь.  
Бай-бай. Иди-ка, поищи теперь  
Профессора на льду. Начальник твой,  
Видать, устал смотреть на муки сына,  
И в ярость впал. Я понимаю, что его  
Терпенье лопнуло совсем не беспричинно.  
А как же! Ведь урок он оплатил,  
А теста сын не сдал, экзамен завалил.  
Пропали деньги - папе жалко очень,  
Он за повторный тест платить не хочет,  
Сын еле-еле папу умолил,  
Чтоб за экзамен он еще раз заплатил.  
Я повторить экзамен был готов,  
И сдал его юнец, в конце концов.  
Отец ушел домой, вздыхая по дороге,  
О сыне позабыв. Его душа  
Одной была подернута тревогой -  
Как сильно мой урок подорожал.

93. **Чтобы детей познать и понимать,**  
Потратить годы, горы нервов надо.  
Передо мной по льду прошли парадом  
Десятки тысяч, всех не сосчитать,



Что путь свой в спорте начинали браво,  
С туманом в голове и жаждой славы:  
Вот рядышком она - рукой подать,  
Но сотня лишь достигла своего,  
Пробившись в спорта славную элиту.  
А остальные что ж? Не повезло?  
Дорога ведь была для всех открыта,  
Чего же не хватило им? Желанья?  
Нет, дерзновенья им не занимать,  
Недоставало маленькой детали -  
Умения терпеть и повторять.  
В спортивном навыке есть три ступени роста:  
Сперва узнать, потом осмыслить и понять,  
И, наконец, прочувствовать. Объять,  
Конечно же, не так все это просто,  
Но это истина. И от нее плясать  
Необходимо тем, кто хочет в спорте  
И что-то показать, и что-то доказать.  
Вот эта третья, главная ступенька  
Препградой многим стала на пути,  
И оказалось - шапка не по Сеньке, -  
Не многим удалось ее пройти.  
Стоит мой ученик и мямлит вяло что-то,  
И взгляд понурый в землю опустил:  
- Я знаю этот поворот, смотрите, доктор,  
Его я на уроках заучил...  
- Да, вижу, поворот ты этот знаешь,  
А вспомни-ка, когда, в какой игре  
Ты применил его? Молчишь? Не отвечаешь?  
Вот то-то и оно. Вот в этом весь секрет.  
Ты разучился думать - это скверно,  
Запомни и усвой своим нутром:  
В хоккее голова - на месте первом,  
А клюшка с шайбой - только на втором.



Ах, сколько раз твердил я папам-мамам,  
Ах, сколько убеждал учеников,  
Что навык в спорте не дается даром,  
Автоматизм приходит нелегко.  
Он требует затрат неоднократных  
Для закрепленья в мышцах, голове,  
В суставах - в общем, труд не всем приятный,  
Не всем ученикам, родителям понятный,  
Но ничего нет лучше и новей.  
Меж тем не раз мне слышать приходилось,  
Зачем десятки раз приемы повторять,  
На это тратить время, деньги, силы,  
Себя, любимого, предельно изнурять?  
А как-то, было дело, вспоминаю,  
Учился у меня один герой.  
- Отец мой заплатил, - кричит, -  
Прием я этот знаю,  
Давайте, доктор, поворот другой!  
Но я не магазин, где продают товары,  
Я тренер, школу я свою создал.  
Кто понимал меня, не тратил время даром,  
Тому светила сотня золотая,  
Где признанным он чемпионом стал.

94. Свой марафон за красотой девичьей  
С детсада начал я. И с радостью ходил  
Туда, и в сторону «косичек»  
Не раз глаза свои блудливые косил.  
Я их любил совсем не меркантильно -  
За красоту, за волосы, глаза,  
Ну, в общем, был весьма любвеобильным,  
Мальчишкой сексуальным, так сказать.  
Я их любил и трепетно, и нежно,  
Вложивши в них весь детский свой интим,  
Так чисто, так хрустально безмятежно,  
Что каждой, дай ей Бог, до старости безбрежной  
Когда-нибудь любимой быть другим.



С ребятами не очень я якшался,  
К девчоночьим юбчонкам тяготел,  
К ним в качестве Ромео подвизался,  
Привлечь я их внимание хотел.  
Но как? И я всю старался -  
Шустрил, ловчил, хитрил на все лады.  
Чтоб я хоть чем-то, да и выделялся  
Из общей, из мальчишеской среды.  
Нет, я не дрался. Никому не чистил рожи,  
Не нарывался на пустой скандал,  
Я камешки через забор кидал в прохожих,  
И, как ни странно, часто попадал.  
Я рассуждал, что очень смелый только,  
С отличным глазомером человек  
Во взрослого попасть сумеет точно,  
И не сбежит, не спрячется от всех.  
Моя забава увлекла мальчишек,  
И перенявши от меня пример дурной,  
Взамен «пятнашек», игр и детских книжек  
Они швыряться стали вслед за мной.  
Несчастные прохожие не знали  
Откуда град из камушков летит,  
Пока начальство сада догадалось  
Фанерой тот забор огородить.  
Я потерял авторитет. И что же?  
Негоже огорчаться и тужить,  
И я придумал, как для выпендрежа  
Вниманье девочек «по новой» заслужить.  
У мамы в доме всегда конфеты были,  
Я стал их потихоньку воровать,  
И девочек-«косичек» угощать.  
За это все они меня любили,  
Конфеты помогли мне центром стать  
Среди «косичек», не среди мальчишек,  
Мне нравилось конфеты раздавать:  
«Коровки», «Белочки», «Батончики» и «Мишки»...  
Не помню случая, чтоб кто-то отказался.



Вот так на сладостях авторитет держался.  
Для мамы тайной не было особой,  
Что девочки - мое большое хобби,  
И очень ревновала, что сильней  
Я лгну к «косичкам» этим, а не к ней.  
Потом, когда я стал чуть-чуть взрослей,  
И только что война в страну пришла,  
Она мне «отомстила», как могла,  
Второго сына полюбив сильней.  
От отчима. Он стал ей фаворитом,  
Хоть и себя я не считал забитым,  
Но почему? И в чем же здесь секрет?  
В «косичках»? Иль конфетах злополучных?  
Ответ так до сих пор и не получен.  
У мамы бы спросить... Но мамы нет.

95. Полжизни прожил я в социализме,  
В СССР - там родина моя.  
Последних тридцать лет живу в капитализме,  
И здесь мой дом, работа и семья.  
Кто как, но я могу сравнить и взвесить,  
Что хорошо в Совке, а что в Капке.  
Мир, по большому счету, тесен,  
Как было сказано, жаль неизвестно кем.  
Совок для многих дураков и бомжей  
Был обетованной райскою страной.  
Лентяи, пьяницы и тунеядцы тоже  
Хвалили ту страну наперебой.  
Чужое счастье нас не волновало,  
Чужим богатством не прельщались мы,  
Мы жили - не тужили, ели, спали,  
Рождались, размножались, умирали,  
Лучами партии родной озарены.  
Правительство мы всей душой любили,  
И Сталину молились втихаря,  
Казенные слова произносили  
С трибуны красной, будто с алтаря.



А одаренным нелегко жилось, и умным,  
Совок, как женщина капризная была.  
Одних - к ногтю, других хвалила шумно,  
А как же, ведь на то она и власть.  
Кто голову пред ней склонял учтиво,  
Кто подхалимничал, кто на друзей стучал,  
Тому давала шансы, перспективы,  
И воздвигала их на пьедестал.  
Зато других - «с мозгой», энтузиастов,  
Кто не елозил, крепко дело знал  
Она считала хламом и балластом,  
В том суть ее была. Начало всех начал.  
Но барабанный бой и гром оваций  
Совок до икоты, до слез любил,  
Как любит детскими бирюльками играть  
Не излеченный вовремя дебил.  
Когда ж в Капок попасть мне пофартило,  
Я ошарашен был и оглушен,  
Здесь била жизнь ключом, кипела и бурлила.  
Я эту явь воспринимал, как сон.  
Здесь делай все, что хочешь, все, что можешь,  
Здесь каждый за себя - на страх свой и на риск,  
Работай, как ишак. Никто здесь не поможет,  
Лишь сам себе. За жизнь держись, борись,  
Чтобы свести концы с концами как-то.  
Пахать и вкалывать здесь надо день и ночь...  
Ну, и паши, как пашет мощный трактор,  
Не хнычь, не жалуйся, не то пойдешь на дно,  
Как многие пошли. Сломались. Сникли. Спились.  
Их затянуло в трясину,  
Они до нищеты позорной докатились,  
И человеческий им облик не вернуть.  
Здесь все на зависти и толщине кармана,  
Здесь деньги - главный движущий мотор,  
Капок, как ледоход плывет по океану,  
Круша в песчинки встречных льдов затор.



Капок - он как клубок. Его распутать надо,  
Все узелки руками расплести,  
И вот тогда он даст тебе в награду  
Возможность имидж, вес приобрести.  
И лишь рожденный не летать, а ползать,  
Привыкший сопли распускать и ныть,  
Себе в Капке не сможет заработать  
На водку, сигареты и штаны.  
Здесь хорошо трудоспособным, ловким,  
Кто смел, как тигр, как старый лис хитер,  
Кто рыщет, клацая, по лесу хищным волком,  
Кого не сдержит никакой забор.  
Здесь плохо слабым, немощным и ломким,  
Тем, у кого потерян здравый смысл,  
Жизнь из таких клиентов вьет веревки,  
И катятся такие только вниз.  
В Капке есть пара принципов железных:  
Всегда, во-первых, думай головой,  
Крутись, как белка в колесе, - оно полезно,  
И делай дело, делай бизнес свой.  
Умей принять решение - то, что сможешь  
Ты в жизнь внедрить. Его и пробивай.  
И помни, у других есть бизнес тоже,  
Не путайся у них в ногах, им не мешай,  
Плати налоги, уважай богатых,  
Не заедайся с ними, уступай.  
Убогих и больных не забывай,  
Что без вины пред жизнью виноваты,  
На кофе иль на чай им подавай.  
В Капке я чувствую себя намного лучше,  
Чем чувствовал на родине, в Совке,  
Но главное, что я теперь не мучаюсь  
По «пункту пятому» - известной всем графе.  
Тот пункт в Совке мне закрывал дорогу  
В Политбюро и в сто других дорог,  
А здесь - куда хочу, да ради Бога!



Запретов нет. Ну, разве бы не мог  
Я только Президентом объявиться,  
Но принят здесь давно закон такой,  
Что Президентом может быть любой,  
Кому удалось в том Капке родиться.  
Совок - Капок. Мой вывод однозначен,  
Сравнение это проиграл Совок,  
Нас там перекормили коммунизмом,  
Поэтому сейчас к капитализму  
Со всех краев со всех несутся ног,  
А из совковых стран, из СНГ - тем паче.

96. От мыслей часто просыпаюсь рано,  
Встаю с постели, и, надев халат,  
Боясь случайно разбудить Светлану,  
Тихонько в кабинет свой пробираюсь,  
В апартамент бумаги и стола,  
Что с вечера уже меня заждались.  
Иду творить. Так было и сейчас,  
И дай Бог, чтобы не в последний раз.  
Мой сводный брат живет в Москве - Алик Иванов,  
У нас родная мать, но разные отцы.  
Как я любил его, когда родился он,  
Мы были милые такие сорванцы.  
Он младше на одиннадцать годков,  
Я на руках его носил, я с ним играл,  
Бросал под потолок, ловил, ласкал,  
Был мять его и целовать готов,  
Но мой братишка плакал и рыдал,  
Я здорово ему надоедал,  
И умываясь горькими слезами,  
Он убегал на руки к нашей маме.  
Она его ласкала больше, чем меня,  
И до сих пор я не могу понять -  
Как это так, в одной семье еврейской  
Любимчик Алик был, а «нелюбимчик» я,



И гложет это до сих пор меня,  
Что не по сердцу так, не по-библейски.  
Его и мой отцы на фронте воевали,  
Он с мамою, а я за стенкой жил.  
Один, как перст. И важно, чтоб вы знали,  
Что с этих лет я сам себя кормил.  
По-разному росли мы. Он при маме.  
Его отец погиб. А мой в семье другой.  
И все-таки, как цепко держит память,  
Не отпускает уж который год.  
Я на завод ушел работать, в кочегарку,  
Лопатой в печку уголек бросал.  
Там было тяжело и нестерпимо жарко,  
Я там чумазым, как чертенок стал.  
Меня рабочие-коллеги уважали  
За труд, в котором рос я и мужал,  
Меня еврейским негром называли,  
Но никогда никто не обижал.  
Одновременно спортом я занялся,  
Заочно стал учиться, не ленясь,  
Я и тогда ничуть не сомневался,  
А с каждым днем все больше убеждался,  
Что спорт и знания в люди выведут меня.  
Мой брат по маме в голубей влюбился,  
На них свое он детство разменял,  
И не работал он, и не учился,  
Забросил школу - голубей гонял.  
Он в маминой любви тогда купался,  
Ему жилось привольно и легко,  
Он голода военных лет не знал, как я не ошивался  
У булочных с протянутой рукой.  
Брат голубями жил, ловил и продавал их,  
Я ж дипломатом с детства быть мечтал,  
Мой стол всегда был книгами завален,  
Где мог их доставал, приобретал.



Маркс, Энгельс, Каутский и Сталин -  
Все уживались на моем столе.  
Мудрейший Ленин, Талейран, Плеханов  
Лежали рядом с Бисмарком, Тарле.  
В Армянском переулке здание стояло,  
Недалеко от дома, где я жил.  
Студенты-дипломаты занимали  
От низу доверху в том доме этажи.  
Не знаю, что им там преподавали,  
Но с завистью недетской я смотрел,  
Как двери открывали, закрывали...  
О, как я внутрь туда попасть хотел.  
Ведь дипломат мог ездить за границу,  
Все города и страны повидать,  
Такое счастье мне могло лишь сниться,  
О чуде о таком я только мог мечтать.  
Но для меня дорога в этот дом  
Была закрыта наглухо, навечно.  
Об этом с болью острою сердечной  
Услышал я от дяди одного.  
То был сосед мой, и однажды  
Я поделился с ним мечтой своей.  
Он удивился мне: - Какой отважный!  
Ты что забыл, что ты по паспорту еврей.  
Туда евреев не берут, чтоб знал ты,  
Забудь свои фантазии скорей.  
И я забыл дорогу в дипломаты,  
Зато запомнил крепко - я еврей.  
Но я тогда уже играл на пианино,  
Сам научился я на слух играть,  
Без ложной скромности: играл весьма терпимо,  
Импровизировать любил и даже сочинять.  
Мечтал на крупной сцене выступать я,  
Как Дунаевский, музыку писать,  
Он тоже ведь еврей, мы значит братья,  
Так значит надо пробовать, дерзать.



И вот Москва. Садовое кольцо.  
Там школа музыкальная стояла.  
Каким же был наивным я юнцом,  
Меня и тут фиаско ожидало.  
- Хочу учиться музыке, - сказал я, -  
И нотной грамоте премудрости освоить.  
Но в паспорт мой взглянув, мне тут же отказали:  
- Нет слуха у тебя, к нам поступать не стоит.  
Вот так, по паспорту, легко определили  
Профнепригодность. Мигом я прозрел,  
Меня как из брандспойта окатили.  
На много лет вперед я поумнел,  
Я получил урок и понял кто я,  
Мне было больше нечего терять,  
Теперь меня ждала стезя иная.  
Подался в спорт - рекорды добывать.  
Григорий Новак - в нашем спорте вежа,  
Он первым чемпионом мира стал.  
Сам Сталин отмечал его успехи,  
Народ гордился им и уважал.  
Меня роднила с Новаком «графа»,  
С Христом и с Моисеем, с Дунаевским,  
С Утесовым. Спортивная тропа  
Звала меня в полет свободный, дерзкий.

97. У меня и у Светланы  
Большая разница в годах,  
Но мы вам скажем без обмана,  
Открыто, честно, громко, прямо,  
Нас не смущает эта мелкая деталь.  
По сути по своей мы оба иноходцы,  
Мы вольнодумцы в глубине души,  
Мы разных поколений и времен питомцы,  
Но нас судить ты не спеши.



Мы спелись с ней - поем одним дуэтом,  
Хоть есть различье в тембре голосов,  
Не вразной поем, а слаженно. При этом,  
Мозги свои настроив в унисон.  
Лишь бюрократам интересен возраст,  
Для нас куда важнее душ родство,  
Понятий, интересов естество,  
Всегда мы в мыслях вместе, а не порознь.  
В любви полов нет возрастных градаций,  
Коль счастливы совместные их дни,  
Им нечего разрыва опасаться,  
Когда прочна связующая нить.  
Как космонавтов космос пеленает -  
Когда они подолгу там живут -  
Теряют в весе, в дружбе прибавляют,  
Любовь скрепляет невесомость двух.

98. Был 59-ый год. Мне стукнула тридцатка.  
И будто к юбилею моему  
Журнальчик «Крокодил» - на пададь падкий  
Статейку тиснул обо мне - сплошную муть и жуть.  
Название ей придумали такое:  
«Редкий кульбит» называлась она.  
Был огорчен, удручен я, не скрою.  
Грязью меня в той статейке облили,  
Во всю постарались, всего окатили  
Полным смердящим ушатом говна.  
В чем меня только не обвиняли -  
Во взятках и пьянках, всех смертных грехах,  
На весь Союз меня оплевали,  
Власть разнесли меня в пух и прах.  
Я был уволен по решению суда.  
В наш «самый справедливый» суд районный  
Я без свидетелей своих пришкандыбал,  
Но с адвокатом - бестией прожженной.  
Не звать свидетелей - такой совет он дал.



Судилище описывать не буду,  
Не суд, а цирк - вот подлинный кульбит,  
Я проиграл его, вовеки не забуду,  
Как опозорен был там и избит.  
Но не упал я духом - не таков.  
Решил я апелляцию подать  
В суд городской. Знал, будет нелегко  
Реванш достойный взять и правду отстоять.  
Сказал при этом горе-адвокату  
Категорически и нелицеприятно -  
Свидетелей своих я приведу,  
Он тоже пусть является на суд,  
Но в этот раз, естественно, бесплатно.  
Истец мой, до зубов вооруженный,  
Толпой свидетелей наемных окруженный,  
Предстал перед судом, не рассчитав, что я  
Урок усвоил, и не тратил время зря.  
Свою команду я привел на суд,  
Зная, что меня в обиду не дадут.  
Привел учеников своих, их пап и мам,  
Какая тут поднялась кутерьма!  
Свидетели мои уверенно держались,  
И чушь, что нес истец, опровергали.  
На этот суд явилась и Марина,  
Что хореографом моих учеников была.  
Прекрасный человек и балерина -  
Поднять мой дух и поддержать меня пришла.  
Она сидела, слушала спокойно,  
Но надоела ей, как видно, вся белиберда.  
Встав, попросила у судьи достойно,  
Как сослуживице, ей тоже слово дать.  
Раскованно держалась и свободно.  
Сказала - взятки я не брал, на льду не пил,  
И дочерью она клянется всенародно -  
Хорошим тренером для ребятшек был.



Судью и суд она очаровала,  
Вердикт их был - не может лучше быть:  
Решенье горсуда постановляло  
Суда районного решение отменить.  
Я, за войну так много испытавший,  
Пленен Мариной был - не передать.  
И тут же, в горсуде, ее за руку взявши,  
Я попросил ее женой моею стать.  
- Да ты с ума сошел, - она в ответ сказала, -  
Я замужем, и у меня есть дочь,  
Но слов ее моя душа не принимала,  
Не мог свое я чувство превозмочь.  
И мы ушли во время перерыва  
Туда, где нету места суете,  
В тисках единого любовного порыва  
Забылись мы. Приют нам дал отель.  
Потом развод Марины был, конечно,  
А я стал мужем при своей жене.  
Я райсуду Москвы обязан бесконечно,  
А городской - благодарю вдвойне.

99. Мы все учились понемногу,  
А я - меньше всех других,  
Но мне природою от Бога  
Хорошие даны мозги.  
Я в институтах очно не учился,  
Заочно груз наук преодолел,  
Экзамены сдавал, когда хотел,  
Когда мне время позволяло,  
Которого мне, впрочем, не хватало.  
За партой я и дня не просидел,  
Узнал случайно, что министр ВУЗов  
Недавно циркуляр такой издал -  
Сдавать экзамены свободно разрешал  
Студентам-пролетариям, что «пашут»,  
Грызут гранит науки, впрягшись в гуж,



«Они работают и учатся к тому ж,  
Проявим к ним благоволение наше».  
Теперь в любое время дня и ночи  
Я сдать экзамен мог. С одним лишь «но»:  
Экзамен провалил - «гуд бай», рабочий,  
Еще попытку - уж крутись, как хочешь,  
Предпринимать, увы, не разрешено.  
Полгода ждать - такое вот кино.  
Без лишней скромности: простой советский гений  
Во мне родился, про приказ узнав едва.  
Придумал лозунг: «Пятилетку - за два!»,  
Решил ускорить я свое ученье.  
Не абы где-нибудь - в самом инфизе  
Рекорд задумал я установить.  
Во мне горело пламенем желанье  
Досрочно тренерские «ксивы» получить,  
Диплом, то бишь, фигурного катанья.  
Не на «отлично» сдать экзамен, а просто быстро,  
Стремился я в студенческие дни,  
Чтоб проскочить, пока другой министр  
Тот самый циркуляр не отменил.  
О! Кто бы видел, как я изощрялся,  
Ловя преподавателей своих,  
То с удочкой стерег, а то с сачком гонялся,  
Пока мой хитрый трюк не удался -  
Кого-нибудь и где-нибудь словить.  
Тому сдавал экзамен в кабинете,  
Того на лестнице внезапно догонял,  
В столовых, залах, даже в туалетах  
Я их, как снайпер пулей, доставал.  
Я сознавал, что весь мой метод тонкий  
Ни знаний мне не даст, не даст наград,  
Но разве мне нужны были «пятерки»?  
Стандартной «троечке» я был безумно рад.  
Ах, тройка, золотая птица-тройка,  
Не зря же Гоголь так тебя воспел,  
Несла меня вперед надежно, бойко,  
И открывала путь к диплому мне.



Ну, и преподаватель, скажем прямо,  
Со мной общаться долго не желал,  
Ведь «тройка» - не «четверка», не «пятерка»,  
Ее он, будто милость, подавал  
Заочнику, студенту, работяге.  
Как отказать такому бедолаге?  
И он легко мне «тройку» выставлял.  
А «тройка» для меня была, как пропуск  
Преодолеть очередной барьер.  
Как Петр прорубил «окно в Европу»,  
Сумел и я по скользким этим тропам  
Пробить к диплому путь. И эту пропасть  
Длиной в пять лет, я за два года взял,  
Подав заочникам и очникам пример,  
Ориентиром став своим друзьям.  
Воспламенил я их и вдохновил  
Из очников в заочники попасть,  
Но им не пофартило - вот напасть,  
Того министра-гуманиста сняли,  
Пришел другой - приказ тот отменил,  
И правила игры все изменил...

100. Американский президент Р. Никсон  
С визитом был в Москве. И так совпало,  
Что в те же дни я вызов получил.  
Израиль звал меня, земля родная звала.  
И чтобы сделать Никсону подарок,  
Сюрприз Кремля ему преподнести,  
Евреев пачками, густыми косяками  
Сплавляли из России, из Москвы.  
Я - блудный сын еврейского народа  
На сборы получил всего пять дней,  
Чтоб, дескать, выметался поскорей  
Познать свою хваленую свободу.  
А что ж мои научные творенья?  
И жизнь я в них вложил, и опыт свой.



Чтоб получить на вывоз разрешение  
Не хватит времени никак, хоть волком вой.  
Так что же делать? Как мне быть?  
Гордиев узел этот как мне разрубить?  
И не без помощи, без Божьей  
Придумал я, как обхитрить таможду.  
В универмаге на Калининском проспекте  
Купил шесть чемоданов сразу я.  
По форме, цвету - как одна семья,  
Как близнецы - еврейской мамы дети.  
Четыре первых: там всю дрянь собрал,  
Что одолжил, что взял, а что украл.  
Там было грязное белье, носки, трусы, рубашки,  
Кальсоны, тапочки и рваные подтяжки.  
Был Бородулин в пятом чемодане -  
Спортивный экстра-фото-журналист,  
Известнейший в стране. Мой друг. И он чуть позже  
Стал жителем израильской земли.  
Лежало «фоток» там на высоту Памира.  
Цвет спорта. Звездный фейерверк людей  
Из олимпийцев, чемпионов мира,  
Страны, Европы... далее везде.  
В шестом, последнем, то есть, чемодане  
Мои покоились научные труды.  
Те самые, что мне на них не дали  
«Бумажки» жалкой, мать их растуды.  
И в Шереметьевском порту в мой день отъезда  
Собрались все, кого я пригласил:  
Отец и мать, с которыми не жил,  
Жена Марина, те, с кем я дружил,  
Последняя любовница - Елена,  
Родные, близкие - всех набралось много,  
Ведь уезжал я в дальнюю дорогу.  
Друзья мои несли пять чемоданов,  
Шестой же, «золотой», я сам в руках держал.



Вот стол таможенный, огромный, как саванна,  
Я на него весь свой багаж сложил.  
Приказ. Я чемоданы открываю  
По одному. Вот крышку первого открыл,  
И очень офицера удивил -  
Я это на лице его читаю.  
По долгу службы должен он теперь  
Мой чемодан встряхнуть не на «халяву»,  
Чтоб оценить: не контрабандный зверь  
Ли я? И не хочу ли грабануть державу.  
Конечно, рыться в этом барахле  
Совсем не вмоготу служаке было.  
От грязного белья и резкого «амбре»  
Его трясло, тошнило и мутило,  
Но долг есть долг. И офицер стоял  
Утесом над вонючим чемоданом.  
Нос затыкал, глаза в тоске смыкал,  
А запах плыл над погрустневшим залом.  
Когда ж открыл он пятый чемодан,  
Где Яшин, Михаил Ботвинник, Новак,  
Едва служаку не постиг удар  
От пестроты имен и лиц знакомых.  
Он вытряхнул всех этих чемпионов,  
Они, как ласточки, сидящие гурьбой  
Накрыли стол скатеркой однотонной,  
Как бы прикрыв меня в тот миг собой.  
Поднялся ералаш, чуть не дошло до драки.  
Тянулись руки. Гам стоял и гул.  
Я ж незаметно в этом кавардаке  
Шестой свой чемодан без визы протолкнул.  
В том чемодане все мои творенья,  
Там мысли собраны мои, и явь, и сны.  
Вот так, без всяких виз и разрешений  
Его я тихо вывез из страны.  
Страны, где я родился и учился,  
Где я работал, славу добывал,



Где огорчался я, и где гордился,  
Когда вершин спортивных достигал.  
А у стола все шум не унимался,  
Народ на память фото те просил,  
А я не очень и сопротивлялся,  
Я добрым был, и их дарил, дарил...  
И даже офицер-служака строгий  
На память чье-то фото попросил,  
Я подарил. И он в восторге  
Отдал мне честь. И поблагодарил.  
Кто скажет мне теперь, что Бога нет?  
От Яши Смушкина стране моей - привет!

101. **Я** часто видел мам и пап,  
Болеющих за милых чад,  
Когда в хоккей те упоительно играют.  
Не сам хоккей, как спорт, им нужен, нет,  
Побед они желают, лишь побед...  
Их результаты только вдохновляют  
Своей команды. Там их сын иль дочь.  
Болельщик результата в них родился,  
Победный клич у них в душе сложился:  
- Мы выиграть должны! Сомненья прочь!  
Но вдруг, и так бывает, как на грех,  
Ушла игра, а с ней ушел успех.  
Кто виноват? - Скажи, Господь, не лги,  
Ведь сын мой или дочь талантливей других.  
А есть болельщики другого сорта,  
Они совсем иного ждут от спорта,  
Им важен сам хоккей, не только результат,  
Им нравится хоккея красота,  
Его задор, его передвиженья,  
Броски, атаки и переключенья,  
И скоростной напор, и хитрость комбинаций,  
Защиты стойкость. И не удивляться  
Они не могут тонкостям игры,  
Чем многим недоступно наслаждаться.



102. Самодостаточность -  
Равновесие потребностей и возможностей.  
Самодостаточность -  
Единство противоположностей.  
Самодостаточность -  
Спокойствие души и самоуважение.  
Самодостаточность -  
Своих желаний достижение.  
Самодостаточность -  
Индивидуальный коммунизм.  
Самодостаточность -  
Трезвый идеализм.
103. Как мало думают о смысле жизни люди.  
Зачем они приходят в этот мир и для чего?  
Постичь своим умом Божественное чудо  
Нам, к сожалению, или к счастью, не дано.  
Мы начинаем жизнь слепыми, как котята,  
Доверившись родителям своим.  
И пробираясь от младенчества к взрослению,  
Мы по пути в себя вбираем этот мир.  
А время нас торопит, подгоняет  
Строителями стать своей судьбы,  
И тот, кто это время упускает,  
В иллюзиях окончит дни свои.  
Суть жизни в том, чтобы себя познать, раскрыться,  
Понять свое предназначенье на земле,  
Остаться в памяти потомков благодарных,  
И следовать своей, а не чужой судьбе.
104. Наш век наполняет жизнь  
Простыми житейскими драмами.  
Мамы сегодня - полу-отцы,  
А папы, те - полу-мамы.



Нет ни актеров, ни зрителей  
В драме семейных страстей.  
Дети сегодня - полу-родители  
Предков своих - полу-детей.

105. Было бы здоровье, остальное купим, -  
Эту фразу часто повторяют люди.  
Я здесь, на Западе, за тридцать лет видал немало.  
Все было... И по-разному... И всякого хватало...  
Я видел, как за считанные годы люди богатели,  
Но, к сожалению, буквально на глазах, старели.  
Соединить любовь, достаток - с долголетьем  
У них не получалось ни за что на свете.  
Они ушли из жизни, так и не усвоив  
Одно-единственное правило простое:  
*Что, обретя достаток, а затем любовь,  
Ты в долголетие шагнешь, - и возродишься вновь.*

